

В. Л. ВЕЛИЧКО

КАВКАЗ 1886–1895

1.

Введение.

Какое доселе волшебное слово – Кавказ! Как веет от него неизгладимыми для всего русского народа воспоминаниями; как ярка мечта, вспыхивающая в душе при этом имени, мечта непобедимая ни пошлостью вседневной, ни суровым расчётом! Есть ли в России человек, чья семья несколько десятилетий тому назад не принесла бы этому загадочному краю жертв кровью и слезами, не возносила бы к небу жарких молитв, тревожно прислушиваясь к грозным раскатам богатырской борьбы, кипевшей вдали?! Снеговенчанские гиганты и жгучие лучи полуденного солнца, и предания старины, проникнутые глубочайшим трагизмом, и лихорадочное геройство сынов Кавказа, – всё это воспето и народом, и вещими выразителями его миросозерцания, вдохновлёнными светочами русской идеи, – нашими великими поэтами.

Кавказ для нас не может быть чужим: слишком много на него потрачено всяческих сил, слишком много органически он связан с великим мировым призванием, с русским делом.

В виду множества попыток (большею частью небескорыстных) сбить русское общество с толку в междуплеменных вопросах, необходимо установить раз и навсегда жизненную, правильную точку зрения на русское дело вообще. У людей, одинаково искренних, могут быть различные точки зрения. Одни считают служение русскому делу борьбой за народно-государственное существование и процветание, борьбой, не стеснённой никакими заветами истории, никакими нормами нравственности или человечности; они считают, что всё чужое, хотя бы и достойное, должно быть стерто с лица земли, коль скоро оно не сливается точно быстро и бесследно с нашей народно-государственной стихией. Этот жестокий взгляд я назвал бы германским, а не русским. Он противоречит мировому идеалу России и подрывает одну из надёжнейших основ её духовного, а стало быть, и политического могущества.

Другие впадают в противоположную крайность: они готовы поступиться всем русским в пользу того, что нарушает наше единство, подтачивает нашу государственную силу, да и само по себе представляет явление отрицательное. Это взгляд «школы» непротивленцев с мнимо-национальной программой, истинными руководителями или закулисными вдохновителями которой являются, конечно, не русские люди. Такое непротивление инородным обособляющимся злым силам, даже в тех редких случаях, когда оно бескорыстно, возможно лишь в ущерб жизненности русского патриотизма и нисколько не оправдывается обычным в таких случаях

рассуждение на тему о том, что мы – великий и сильный народ. Великий народ, – и потому прикажете позволять, кому вздумается, посягать на хлеб детей наших, на жизненные силы меньшей братии, подвергать поруганию наши святыни и давать обособляющимся инородцам ездить верхом на слабых и уступчивых носителях русского дела?! Доколе будут отождествлять понятие великого с понятием глупого, слабого и беспринципного?!

Правильна, справедлива и, вместе, практична только нижеследующая, третья точка зрения. Великий и сильный не глядит на жизнь сонными глазами, а во благовремени водворяет жизненную правду, развивает свою собирательную или единичную личность, во всеоружии заветных преданий прошлого, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Великий и сильный не довольствуется шаблонами и кличками, прикрывающими понятия ложные, расплывчатые или пёстрые. Он обязан сжать усилием ума ленивую расплывчатость, обязан разобраться в красках и оттенках пёстрой картины.

Если доселе пёстрый Кавказ является мучительной загадкой для наших образованных классов, то значит они не велики и не сильны, они не вполне освободились от рабства чужих слов и понятий, от гнёта упомянутой выше и, увы, типично-русской ленивой расплывчатости. Недавнее возникновение, независимое от посторонних фальшивых и лукавых влияний развития Русского Собрания подтверждает правоту моих слов, а вместе с тем сверкает ярким лучом надежды на близость лучших дней, на подъём русской прозорливости, русской вдумчивости и духовной силы.

Наши солдаты, а за ними и народ, назвали Кавказ «погибельным», потому что покорение его было сопряжено с невероятным напряжением героизма и тяжкими жертвами. Но на эти жертвы народ наш не скуп: мёртвые сраму не имут и подвиги увенчаны славой. «Погибельность» Кавказа приняла иную форму, быть может, роковую, а может быть и полезную в итоге, раскрыв внутренние язвы нашей жизни, немощи нашего духа, ошибки и грехи нашей окраинной политики. Даже смутность и неустойчивость государственно-национального миросозерцания у многих русских людей, как служилых, так и берущих на себя смелость влиять на общество посредством печати.

Кавказ – огромная академия со всевозможными естественными лабораториями, открывающая наблюдателю и исследователю широкое поприще для самостоятельных выводов. Особенную ценность представляет он для социолога и, в частности, для представителя государственной науки, столь мало распространенной, – увы! – даже в наших правящих классах, которым пора бы сознательнее относиться к своим обязанностям перед родиной и Государем, а не смотреть на жизнь с точки зрения 20-го числа. Явления жизни и человеческие характеры на Кавказе чрезвычайно выпуклы, даже когда они, вместе с тем, сложны. Особенный интерес представляет сплетение, а иногда и полное совпадение вопросов расовых и социально-экономических. Этой особенностью кавказской жизни обуславливается немалая трудность управления краем и контроля над работой местных органов власти то взаправду, то притворно не понимающих практического значения своеобразных основ тамошнего общественного склада и быта.

Чтобы взглянуть в корень главнейших вопросов и явлений, надо хотя бы в общих чертах ознакомиться с прошлым.

2. Характер прошлого.

Прошлое кавказского края представляет собой картину не менее пёструю, чем его естественные условия и многоплеменный состав населения. Обобщения положительного характера при таких условиях весьма затруднительны, и сколько-нибудь яркими красками можно отметить лишь некоторые, наиболее наглядные черты этого прошлого, вдобавок, отрицательные с культурной точки зрения.

Во-первых, Кавказ никогда не имел покоя, ни внутреннего, ни внешнего. Он был в течение многих веков одним из путей для воинственных вторжений Азии в Европу; каждое из проходивших по его горам и долинам племён, смывая своей волной те или иные зачатки местной культуры, оставляло взамен того собственный след, преимущественно дурной, ибо вторгающиеся племена ни с кем и ни с чем не церемонятся. С другой стороны, сильно пересеченная местность, богатая тущобами непроходимыми и высотами недосыгаемыми, при условии значительного климатического, почвенного и племенного разнообразия, не могла стать территорией крепко объединенного и культурно развитого государства. В горных дебрях жили и доселе живут многие мелкие племена, разнообразные по происхождению и зачаткам расовых культур, находившиеся между собой в постоянной борьбе, но так или иначе объединенные, с точки зрения биологической, сходными условиями природы, хозяйства, образа жизни и религиозной подпочвы, которая, независимо от различия формальных исповеданий, заключается в стихийном поклонении грозным силам природы, покорившей себе человека, его помыслы, характер и верования. Эти люди не могли создать государства, ибо малоспособны к государственности вообще, которой, кстати сказать, на пересеченных высотах мудрено достигнуть сильного развития, коль скоро некоторые ущелья бывают на семь или восемь месяцев в году отрезаны от остального мира то снегами, то водами.

Южнее главного хребта, в западном Закавказье поселилось с незапамятных времен картвельское племя (грузины, имеретины, гурийцы, мингрельцы, лазы, аджарцы, кобулетцы и др. разновидности); это племя, объединившееся на краткие сроки в средние века, в остальное время было разрознено. В восточном Закавказье - племена с тюрко-монгольско-иранской кровью и армяне, народ невыясненного происхождения, с, несомненно значительной примесью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови.

Из всех этих племен наибольшую способность к государственности проявили грузины, но и им не удалось создать государство в полном смысле этого слова. Мешала тому, во-первых, география страны, открывавшая широкий простор феодальному обособлению; во-вторых, серьезным препятствием служила хроническая анархия извне: налетали нежданно дикие орды, столь многочисленные, что отпор был, не всегда успешен; от вторжений оставались надолго печальные последствия и вся жизнь страны была подвержена постоянным случайностям. Отсюда - резко бросающееся в

глаза, почти повсеместное в Закавказье отсутствие домовитости и комфорта, плодов долгого мира. Даже у крупных помещиков лишь за самое последнее время стали появляться хорошо обставленные усадьбы. В общем, жизнь доселе носит следы бивачного характера: так крепка исторически сложившаяся привычка ожидать вооруженного нападения, скрывать или увозить имущество; многовековая привычка, став чертой характера, мешает, конечно, и поныне расцвету мирной культуры и развитию так называемых буржуазных добродетелей.

Климатические условия и, в частности, разнообразные по симптомам, но почти повсеместная в Закавказье малярия - тоже крупная помеха в прошлом и даже в настоящем для культурного развития края. Кочевой образ жизни значительной части закавказского населения, обыкновенно приписываемый поверхностными наблюдателями врожденным инстинктам кочевников, находит себе более разумное объяснение и оправдание, именно, в климатических условиях: кочевники спасают свою жизнь и здоровье, переходя летом на высоты из малярийных долин и степей, где и стада их не нашли бы себе пищи. Какова бы ни была причина кочевков, бытовым результатом их является опять таки отсутствие домовитости и некультурности.

Влияние климатических и вообще естественных условий на общественно-государственную жизнь чрезвычайно серьезно: и малярия, и горные реки, то иссякающие, то принимающие чудовищные размеры, и бури, и ливни, и градобития, тяжкий зной, - все это, губительно отражаясь на народном хозяйстве, оставляет глубокий отрицательный след и на самом духовном складе населения, сглаживая общими недостатками племенные различия; мысль утрачивает последовательность, воля - выдержку, нравственность - свой катехизис, труд - систему, жизнь в совокупности - разумные устои.

Весьма замечательно, что еще разновременно в древности культурнейшие племена, - греки, римляне, персы (времен расцвета персидской цивилизации), потом гетуэзцы и др. - пытались заводить на Кавказе колонии, - и это никогда никому не удавалось. По всему Закавказью разбросаны следы разных стилей архитектуры, имена, названия и легенды, явно наносного происхождения; на разнообразных народных лицах видны следы скрещивания многих рас; но в итоге мало крупного, цельного, не стертого другими влияниями или просто временем.

В связи с этим признаком следует отметить, что ни одно из соседних с Закавказьем государств до начала X IX столетия не имело возможности прочно водвориться в этом крае. Правда, объяснения этому следует искать не только в местных причинах, но и в характере и политических изъянах государств и племен, посягавших на данный край; тем не менее, местные особенности имели значение преобладающее, как это показывает даже история края со времени присоединения его к России и чрезвычайно тугая ассимиляция местных племен с государственной народностью.

Из всех следов, оставленных в Закавказье его соседям, наиболее наглядным и даже довольно глубоким является отпечаток персидского строя, или, вернее нестроения. Ханства восточного Закавказья, образовавшиеся путем измены правителей обязанностям

перед далекой центральной персидской властью, юридически считались персидскими провинциями, а на деле были независимыми деспотическими владениями, уменьшенными копиями с персидских образцов. Причины тому были отчасти расовые, так как большинство повелителей в этих владениях были более или менее персиянами по происхождению; частью же влияли тут недостатки персидской государственной организации и, между прочим, широко практиковавшаяся наследственность административных должностей.

Ясно, что в гористых местностях, обладающих всеми естественными данными для вооруженного обособления, этот обычай не мог не усиливать именно феодального склада жизни, и без того вызывавшегося местными условиями; несомненно, что одним из факторов феодализма является также расовая разница между повелителями и их подданными, – а этот фактор периодически насаждался при каждом подъеме персидского воздействия на Закавказье. В частности, собственная Грузия (тифлисская и часть Елисаветпольской губернии) сильно испытала на себе персидское влияние, а Имеретия и другие западно-картвельские владения – влияние турецкое, менее интенсивное, но в итоге однородное по последствиям. Политические изъяны административный, духовный и бытовой склад обоих этих соседей, на почве различных местных условий отразились, однако, на пёстром Закавказье, несомненно, объединяющими, нивелирующими чертами, преимущественно отрицательного характера.

В обоих восточных деспотических государствах, Турции и Персии, династии не очень долговечны, и власть их, подобно горным речкам, подвержена резким колебаниям; бюрократической системы, обеспечивающей устойчивость политических направлений, интересов народного благополучия, прав и спокойствия, – на лицо не было; все основывалось на подкупе, лести, силе и гаремных интригах, т.е. на скверных случайностях. Государственные доходы, отдававшиеся на откуп, своими колебаниями влияли на политическую неустойчивость и на народные настроения.

Вчерашний мятежный феодал, хищный администратор, разбойник или предатель, вместо заслуженной кары, мог в один миг снискать почести и власть, ублаготворив азиатского повелителя красивой женщиной, конем, драгоценностями или просто искусной лестью.

Глубочайший, всесторонне охватывающий жизнь материализм был руководящим началом, исключавшим всякую принципиальность в европейском смысле этого слова; гаремные интриги и вообще чувственно-восточная психология играли преобладающую роль даже в местностях, озаренных светом христианства. Даже в Грузии, в течение многих веков боровшейся за свою веру и племенную самобытность, христианство, в силу указанных выше могущественных причин, приняло особую местную окраску, вместо того, чтобы глубоко озарить мирозерцание обывателей и принести разнообразные плоды своих основных созидательных идей.

Так как при подобном анархическом беспорядке вещей возможны лишь несложные группировки людей, вызываемые вдобавок инстинктом самосохранения, то такой группировкой явилось родовое начало со своей узкой моралью и слабой принципиальностью. Тесные границы этой последней заключены между следующими формулами: «моего родственника обидели или убили, а потому я должен выступить

защитником и мстителем» и «мой родственник совершил преступление, но так как это мой родственник, то он прав, и я приму все меры, чтобы защитить его от наказания».

Глубокие следы такой психологии остались там и доселе. Ясно, что знатные или честолюбивые роды, которые путем воинской доблести, искусной политики, накопления богатств, гаремных успехов, запасались средствами для борьбы за своё преобладание, – являлись поочередно хозяевами и нарушителями какой бы то ни было независимой правды. Им ничего не стоило изменить неожиданно своим царям и иным повелителям, попрасть интересы и заветнейшие чувства подневольного народа, даже в крайних случаях надевать маску иноверия или вовсе отречься от веры отцов.

Народная масса, сидящая на земле и обрабатывающая её, всегда тяготится подобной анархией, – и вот почему, например, грузинский народ доселе свято чтит память царя Давида Возобновителя и «царицы царей», великой Тамары, при которых установился было более нравственный порядок, озаренный славой побед над внешними врагами; вот почему народная масса Закавказья в громадном большинстве стихийно верит в силу и правду Белого Царя, не взирая на многие отрицательные стороны управления краем.

Однако хотя в течение многих веков пестрая масса кавказского населения (за исключением городских патриархальных республик), была преимущественно пассивным, страдальческим элементом в местной истории и не могла особенно любить своих капризных повелителей, сознательно разделять их воззрения, – эти последние на ней глубоко отразились; порядки восточных деспотий и вытекшие отсюда понятия проникли в правосознание населения до низших его слоев. И западно-грузинский крестьянин, и кахетинец, и подданный хана ширванского или ганжинского одинаково знали, что золотом, лестью, женщиной, юношами можно откупиться и от неправых притеснений, и от исполнения государственных требований, разумность которых ни для кого не была ясна, и от заслуженных последствий преступления.

Одно уже появление должностного лица было сигналом к подкупу, и притом почти легальному, так как должности по восточному обычаю не оплачивались за отсутствием финансовой системы, и покоились на поборах с народа и на подарках всяческим властям.

Отсутствие широкой принципиальности составляет основную черту местной психологии, атмосферу и своего рода закон местной жизни. Человек, попадающий в эту атмосферу, должен употреблять крайние усилия, чтобы не подвергнуться её растлевающему воздействию.

Когда несколько миллионов населения за много веков привыкли с неизменной практичностью смотреть на вещи, то представители иных взглядов встречают неблагоприятную почву для их проведения в жизнь; можно даже заранее с уверенностью сказать, что если они не являются проводниками глубоко обдуманной, рациональной системы, а, вдобавок, поставлены в тяжелые жизненные условия, то и они, и вверенные им задачи неизбежно уступят сложившимся местным традициям, русское достоинство и служебная честь не выдержат натиска бытовых азиатских условий в ущерб

государственному престижу и дальнейшим судьбам края.

Естественно, что переход от одного строя и склада жизни к другому должен сообразоваться с народной психологией, и перемена в существе отношений должна быть сопряжена с возможно меньшим изменением и осложнением их форм. Даже и при этом условии работа, направленная к культурному присоединению того или иного края, отличающегося чуждыми бытовыми чертами, требует руководителей особенно мудрых, стойких и всесторонне знающих местные условия. Это должны быть не только блюстители закона и спокойствия, но и созидатели по призванию, ревнители широко понятого национально-государственного дела.

Это сознавали, еще до присоединения Грузии, выдающиеся русские люди, как, например, Потемкин и представитель России при дворе царя Ираклия II, Бурнашев. В недавно вышедшей книге, посвященной последнему, много интересных черт, рисующих эпоху. И Бурнашев, и непосредственный руководитель его, командовавший северно-кавказскими войсками граф Павел Потемкин – истинно русские люди, верившие в русскую правду и доброжелательные к кавказскому населению, в противоположность современнику их, иностранцу-авантюристу Тотлебену.

«Труды наши делают вам честь, и плоды их – славу имени и благодарность грузинского народа», – пишет Потёмкин Бурнашеву. Он вмешивается даже в мелочи; например, узнав, что два царевича поссорились из-за какой-то княжны, он рекомендует Бурнашеву «поташиться объяснить им, что нет в свете такой девицы, за которую с братьями можно бы было ссориться». Замечает Потёмкин малейшие промахи. «Получил я жалобу от князя Эраста Амилахварова, что лекарь, при вас находящийся, отнял у него жену и ему самому проломил голову. Исследуйте сие дело, не допускайте своевольству начинаться в той земле, где должно ловить сердца и привязывать к себе». Завет простой и великий.

Как человек, не допускавший своевольства, первое место среди русских правителей края занимает, бесспорно, Ермолов. Гроза непокорных, строгий, но справедливый. Охранитель мирных интересов всего населения, которое он буквально воспитывал в духе законности и порядка, он первый понял значение русского народного элемента, как начала, сближающего русскую власть в крае.

Ермолов изобрёл и стал вводить в жизнь практичнейший из применявшихся доселе способов русской колонизации: он учреждал оседлость для женатых кавказских солдат в военных поселениях при штаб-квартирах; в 1826 году образовано было девять, так называемых, семейных рот; дело не обошлось без земельных споров с коренным населением; избирались места, удобные в отношениях военном, климатическом и сельскохозяйственном.

Администрация тогда сознавала, что нельзя, пересадив людей на чужбину, оставить их там на произвол судьбы; помощь оказывалась не на бумаге только, но и на деле. Плоды этой меры видны до сих пор, и если о чем приходится сожалеть, так это о менее широком и убежденном её применении после Ермолова. Как ни завидовал Паскевич славе Ермолова, как ни старался показывать своё превосходство над ним, пришлось, однако, следовать его предначертаниям в данном вопросе; но это служение русскому

народному делу нашло противовес в колонизации некоторых частей Закавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно теперь, после того, как нежелательность её весьма недавно еще признана даже с высоты Престола.

Аналогичная ошибка была, впрочем, и раньше сделана самим Ермоловым, просившим об образовании в Грузии колонии из «трудолюбивых немцев, которых бы добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили в местных жителей желание обратиться к подражанию». Дальнейшие события не оправдали этой надежды, так как колонии немецкие, создав свое благополучие на счет казны и туземных соседей, этим последним ничего доброго не привили, а местами лишь сделали из них холопей своих.

Полного расцвета достигают русские поселения, основанные дальновидным Ермоловым, при наместнике князе Воронцове, созидательный инстинкт которого в данном деле проявился более успешно, чем во многих других отношениях.

Если в заботах о русских народных интересах князь Воронцов шёл по стопам Ермолова, то, во всяком случае, с меньшей последовательностью и настойчивостью. Он сознавал, например, государственную необходимость привлечь в Закавказье русских торговцев и капиталистов, но после первой неудачной попытки такого рода в Тифлисе мысль эту оставил и стал поддерживать армянских купцов и промышленников, открывая им широкий простор к обогащению и возбуждая в них предприимчивость. Он давал им подряды, места под магазины и караван-сарай, почти насильственно иногда привлекал их к выгодной самостоятельности.

Очень много сделал он для «европеизации», но вместе с тем и для культурного обособления местного общества: собирал его представителей на блестящих балах и вечерах, содействовал литературному развитию местных языков; при нём, например, открыт первый грузинский театр. Вообще период русского владычества от Ермолова до Воронцова включительно был счастливым периодом духовного расцвета населения края и, вместе, усиления русского дела. Между прочим, расцвела замечательная для такого усталого и небольшого народа грузинская поэзия. Имена Баратова, Вахтанга Орбелиани, а в более позднее время - князей Или Чавчавадзе, Акакия Церетели и других, весьма популярны на Кавказе, и произведения их переведены на многие европейские языки.

Будучи русским патриотом по чувствам и намерениям, князь Воронцов по складу ума и политической программе был, однако, скорее западно-европейцем, англоманом с аристократическими тенденциями. Он не только придал распространительное толкование грузинским феодальным взглядам и порядкам, но даже в жизни мусульманского населения, демократичного в силу своей религии и расовых традиций, ввел излишне - аристократические элементы, ему несвойственные.

Непомерное размножение князей, беков, агаларов и т.п., в ущерб не только интересам жизни народной и разумному обрусению края, но и самим представителям высшего сословия, привело впоследствии к такому порядку вещей, в котором нельзя не усматривать политической и социальной опасности. Искусственно размножив высшее сословие, князь Воронцов положил начало его

разрознению посредством усложнения и вздорожания жизни. В связи с этим получилось и полное падение престижа того класса, на объединительную роль которого этот государственный деятель возлагал преувеличенные надежды. Существует даже предположение, что это было со стороны князя Воронцова не ошибка, а, напротив, дальновидная политика, клонившаяся к ослаблению наиболее сильных местных элементов.

Тем не менее, имя его чрезвычайно популярно доселе в Закавказье, главным образом, в виду того, что он признавал законность и полезность самобытного культурного развития местных племён под русским владычеством и духовным влиянием. Кроме того, он не щадил средств и усилий для экономического подъема страны; близко входил во все нужды населения, с которым искал возможно более частного непосредственного общения. И теперь можно на Кавказе найти много простолюдинов, с восхищением вспоминающих о том, как с ними беседовал сам князь Михаил Семенович об их житье-бытье.

Громадное государственное значение имели процветавшие при князе Воронцове школы при военных частях; программа их была не широка, но проходила толково, а главное, в них имели важное значение элементы воспитания и дисциплины, ныне почти не существующие во всей русской школе сверху донизу. Из войсковых школ воронцовского периода вышла целая плеяда выдающихся полководцев, администраторов и общественных деятелей.

Эпоха реформ шестидесятых годов имела осложняющие, почти роковые последствия для русского дела в крае и для жизненного склада всего местного населения. И вводившееся ранее 60-х годов в некоторых местностях края, так называемое, «гражданское управление» нанесло русскому делу немалый вред, именно потому, что на сцену выступили люди без школы и возникли учреждения без традиций. Старые устои рушились, а для новой созидательной работы не нашлось подходящего материала. Вместо обычаев и взглядов, органически выросших на своеобразной местной почве, были призваны нормировать жизнь совершенно чуждые ей законы и кабинетные утопии, которых и остальная-то Россия, сравнительно более близкая к западноевропейскому складу, доселе переварить не может.

Освобождение крестьян, по незрелому, наскоро скомканному плану, перевернуло вверх дном социальный порядок в местностях Закавказья, где оно царило с незапамятных времён. Вдобавок, этот скачок был сделан неумело, не до конца: доселе, хотя крепостное право юридически упразднено, оно существует на деле во многих местностях тифлисской и кутаисской губерний, где временно-обязанные крестьяне чувствуют большую тяготу зависимости от помещиков, чем если бы они были по закону их рабами.

Одновременно открылся широчайший простор для развития и преуспевания элемента, который и сам по себе нигде не имеет благотворного влияния на жизнь, а на Кавказе в особенности, так как профессиональные отрицательные черты осложняются там расовыми пороками и тенденциями. Речь идёт о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестидесятых годов особенно усердно и беспрепятственно принялись высасывать все соки из местного населения. Говорю здесь, конечно, не огульно, не обо всем

армянском народе, а о классе кулаков, ростовщиков, тёмных дельцов, представляющих собой сильно окрашивающий, характерный для этого племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников.

Чем резче социально-экономическая реформа, тем более должны служить приспособлению её к жизни устойчивые, но гибкие государственные и общественные учреждения: администрация, суды, учебные заведения, печать и т.д. Между тем, все это было реформировано одновременно, и всё изменилось к худшему с точки зрения интересов русского дела на Кавказе. Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная спортивность; передача главнейших жизненных вопросов из рук воинского класса, обладавшего в глазах туземного населения престижем недавних побед, в руки духовно-мелкой кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племён воинственных, подвижных, исторически несклонных к большим дозам сухого книжного знания, страдающего очевидно неприменимостью к жизни; наконец, данайские дары российского общественного мнения и печати периода самоотрицания и утраты национального чувства – всё это было, несомненно, ядовитой духовной пищей с точки зрения русских интересов. Нагляднейшим издевательством над этими интересами полна кавказская печать со времени шестидесятых годов. Даже то, что во внутренней России было суровой, но здоровой и благотворной по последствиям критикой изъянов нашей жизни, являлось и является доселе на кавказской окраине поводом к злорадному осмеянию, к огульному отрицанию всего русского в созидательном смысле этого слова.

Много влиял в этом направлении личный состав того прошлого русского элемента, который местные жители считали русскими деятелями. Между прочим, на Кавказ попадали недобровольно люди, политически неблагонадёжные, не стеснявшиеся там в выражении своей ненависти ко всему русскому строю; местное население жадно слушало небылицы и резкие суждения, распространяемые такими людьми, настроение которых поддерживало или даже вызывало центробежные стремления среди нарождавшейся туземной интеллигенции.

В частности, на Кавказ разновременно было выслано или принято на службу довольно много поляков, не примирившихся с русской государственностью и не останавливающихся перед самыми иезуитскими средствами, чтобы вредить русскому делу. Плоды их разрушительной работы и доселе можно проследить в некоторых местах. Являясь по мундиру и языку пришлыми русскими чиновниками, они эксплуатировали, притесняли и дразнили народную массу, роняя, опорочивая в её глазах русское имя, а наряду с этим сближались с беспокойнейшими слоями разноплеменной туземной интеллигенции, порождая и обостряя в ней отрицательное отношение к русской государственности.

По многим признакам, есть, в частности, серьёзное основание утверждать, что некоторые местные волнения начинались не без польских внушений, и что армянская инсurreкционная программа, о

которой будет сказано ниже, есть лишь выработанная в тридцатых и усовершенствованная в шестидесятих годах разновидность подобной же программы польского жонда.

Отрицательное значение имел также наплыв немцев в ряды кавказского чиновничества, так как даже лучшие и лояльнейшие из них не могли обладать тем напряжением русского национального чувства и самосознания, которое необходимо на окраине, подлежащей культурному объединению.

Само собой разумеется, что окрашивающая среда должна быть, особенно при отсутствии численного преобладания, богата красящими элементами. Для космополитически настроенных немцев такая русская задача была не по плечу. Если только что высказанный вывод непонятен многим представителям русского правящего класса, то лишь в силу малого знакомства нашего с государственной наукой, вследствие слабости национального самосознания и достоинства. Сущность данного вопроса прекрасно понимают в Германии, где весьма искусно распределяют по всем нужным местам, именно пруссаков, как представителей государственного цемента.

Все, что создано на Кавказе шестидесятью годами, — новые правительственные учреждения, классовые перемены, племенные соотношения, политические тенденции, перемены экономические и бытовые, — все это обошлось дорого интересам русского дела, да и большинства самого местного населения. Ущерб, конечно, временный, по крайней мере, что касается главного вопроса, т.е. освобождения крестьян. С точки зрения широких линий истории, с точки зрения исконно-демократического признания России, это была мера необходимая, так как она призвала к самостоятельной жизни и творчеству в разных областях народную массу, дотоле подавленную и безличную; это само по себе посев, могущий дать богатые культурные всходы.

Но чтобы эти всходы не погибли и не выродились в нечто безобразное, противосоциальное и противогосударственное, надо было своевременно же принять обдуманно меры к ограждению освобожденных рабов от новых форм эксплуатации и к сближению вообще всего нового строя кавказской жизни с созидательными началами руководящего русского центра. Между тем, именно этого-то и не было сделано. Главная доля ответственности падает, однако, не столько на тогдашних высших представителей кавказской власти, сколько на руководящие идеи центра, на низкий уровень общественно-государственной науки в России вообще, на дух того времени, когда даже правительственные учреждения находились под гнётом всяческих утопий.

Единичные передовые деятели понимали неудобство, и даже опасность применения многих петербургских кабинетных тенденций к материалу, исторически им чуждому; таков был, например, видный государственный муж, попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, мужественно боровшийся с крайностями ложно-классической системы и смягчивший её применение. Но общее течение было слишком сильно и широко, и пагубные последствия его будут ещё долго проявляться в местной жизни.

Одним из крупнейших последствий водворения правового порядка где бы то ни было, является воцарение буржуазии над всеми

остальными народными классами и слоями. Недаром один немецкий учёный сказал, что правовой либерализм есть исповедание буржуазии. Вместе с тем, это и её надежнейшее орудие, небезопасное для всякого государственного и социального организма.

Когда «законным» путём упраздняются все перегородки, мешавшие господству беспринципных денег, то расшатываются и принципы, на которых зиждется государственная власть, и обычаи, более глубоко, чем легко обходимый закон, нормирующие народную жизнь; сводится к нулю даже самая свобода, нуждающаяся для реального, а не бумажного только осуществления, в идейной защите со стороны лиц, независимых от власти денег.

Например, когда правительство, в стремлении к жизненной правде, предоставляет печати большую свободу, то представители господствующей буржуазии, не желающие распространения тех или иных идей, во-первых, забирают в свои руки почти все влиятельные органы печати, а, во-вторых, и другими путями, иногда прямо неисповедимыми, всегда умеют помешать распространению того, что им неприятно. В республиканской Франции по воле барона Ротшильда не попала на сцену пьеса «Вырождение», тогда как издевательство над христианской религией дозволяется и даже поощряется в каких угодно формах.

Очевидно, свершилось неизбежное: там служилый класс творит волю буржуазии.

Опасность осложняется, когда эта буржуазия принадлежит по преимуществу к племени, не заинтересованному в благополучии государства, или, тем паче, даже не желающему добра этому государству. Тогда получается паразитизм в отвратительнейших и опаснейших формах.

Паразитизм восточный осложнён ещё тем, что он не знает меры, будучи лишён каких бы то ни было сдерживающих нравственных или социально-облагораживающих начал.

На Кавказе вопрос социально-экономический совпадает с племенным: буржуазия состоит почти исключительно из армян, составляющих на верхах этого класса сплочённую стачку и представляющих крупную социальную опасность для местного населения, а для государственного дела - опасность политическую, как это видно на примере нескольких восточных держав, инертность или неряшество которых открыли простор армянскому паразитизму.

Правовой порядок и всякие дальнейшие шаги по этому пути на Кавказе только армянам и полезны, так как многочисленные армяне-дельцы в течение многих веков практиковались в обходе каких угодно законов и властных распоряжений и в порабощении себе чужой воли, свободной или властной по виду, но не подготовленной ни к свободе, ни к власти. Всё очутилось у них в кабале, не исключая большинства местных учреждений сверху до низу. Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основании суровых требований жизни.

Тем не менее, и о шестидесятих годах местное население вспоминает с благодарностью и любовью, причём оба эти чувства вызываются не только проявившимся тогда подъёмом культурных

надежд и политических стремлений, но и симпатией к личности тогдашнего Августейшего наместника великого князя Михаила Николаевича.

Момент победы законного формализма над обычаем, мысли – над верой и чувством, вообще всего отвлеченно-формального над жизненно-привычным, нелегко обходится той среде, духовному складу которой такая перемена мало отвечает. Эта среда испытывает нечто вроде нравственного холода, – и тут-то имеет особую цену любовное, сердечное к ней отношение со стороны высших вершителей местных судеб.

Отеческая заботливость Августейшего наместника о нуждах кавказского населения, особенно туземного, доселе высоко ценится кавказцами, не упускающими случая выразить ему свою благодарность и вернопреданность, близкую к верноподданическим мистическим чувствам.

В этом была некоторая польза для русского дела, смягчавшая вред, нанесенный ему веяниями и системой шестидесятых годов. Но вред был громаден, даже прямо в политическом отношении, так как обособлявшиеся инородцы, сбитые с толку «движением» и политическими мечтаниями той эпохи, проникались, так сказать, «австрийским государственным идеалом», мечтали о «федерации» и усматривали в центральной фигуре властного наместника символ и оплот их сепаратизма. В отношении же бытовом, между прочим, русское народное дело пострадало в ту пору от того, что русские военные поселения были переданы из военного ведомства равнодушным гражданским властям и с тех пор именно захирели.

Шестидесятые и семидесятые года на Кавказе ознаменованы началом более интенсивного насаждения цивилизации и экономического развития; и то, и другое, однако, по существу служило скорее обособлению этого края, нежели прочному сближению его с центром. Объясняется это отчасти духом времени, отчасти малым значением русской национальной идеи в глазах местных, да и столичных правительственных сфер того времени.

Например, в течение многих лет откладывалось под разными предлогами соединение Закавказья с остальной Россией кратчайшим рельсовым путем, а между тем была проведена Закавказская железная дорога, образовавшая, так сказать, совершенно обособленное от остальной России экономическое кровообращение края.

Русским капиталам, которые могли бы экономически связать окраину с центром, теперь, вследствие этого, уже более труден доступ к местному промышленному миру.

Бакинской инородческой и иностранной промышленности было предоставлено развиваться до таких грандиозных размеров, что теперешняя дорога от Беслана до Баладжар, с точки зрения национального объединения, является мерой более чем запоздалой, и может скорее послужить, в итоге, усилению местного обособления, путем воздействия бакинских миллионов на петербургские сферы и печать, нежели распространению русского культурного влияния на Закавказье.

Весьма интересно отметить, как отразилось сооружение Закавказской железной дороги на положении отдельных местностей и племен. Выиграли от неё исключительно армяне, экономически

захватившие в свои руки Баку и Тифлис. Так как в другой картвельской столице, Кутаисе, их сравнительно мало и экономическое влияние их ничтожно, то Закавказская магистраль обошла Кутаис, под предлогом ускорения персидского транзита, и некогда цветущий город все более утрачивает прежнее экономическое значение, несмотря на несомненную способность его обитателей к промышленности и торговле.

Армянские промышленные фирмы и банки заняли господствующую позицию в Поти и Батуме, - черноморских конечных пунктах дороги, оказавшейся, таким образом, целиком в их руках.

С другой стороны, рельсовый путь объединил между собой разрозненные дотоле ветви картвельского племени, в котором с тех пор замечается большее духовное обособление, принимающее иногда нервные политические формы.

Если бы вместо Закавказской дороги, или хотя бы одновременно с ней, была проведена перевальная дорога через главный хребет к Тифлису, картина местной жизни, несомненно, была бы иной, гораздо менее безотрадной с точки зрения русских национально-государственных интересов. Главное кавказское начальство, по видимому, во все времена не особенно горячо относилось к установлению удобного и скорого сообщения между Тифлисом и Петербургом. Это вопрос... окраинной психологии, особенно кавказской, на почве персидских административных традиций. Чем дальше от контролирующей центральной власти, тем легче дышится. Но даже и искренние ревнители сближения окраины с центром не умели смотреть в корень вопроса.

К сожалению, не только в ту пору, но и донныне национальное значение капитала недостаточно сознается, а нередко и сознательно игнорируется подлежащими сферами. В чьих руках деньги, тот - истинный хозяин положения, особенно, если служилый класс материально плохо обставлен, а общественное мнение не обладает национальной устойчивостью. Яркие примеры пагубного господства инородческих капиталов мы видим даже в таких государствах, как Франция и Австрия, где экономическая самостоятельность коренного населения вдесятеро сильнее, чем у нас. Этот урок, очевидно, не понят или намеренно затушевывается людьми, утверждающими, что капитал, по существу, внационален и везде имеет объективно-благоприятное значение. Такое утверждение, кстати сказать, далеко не всегда бескорыстно...

Но и с точки зрения объективной, не национальной гражданственности, Кавказский край начал развиваться с шестидесятых годов ненормально, негармонично, и попадающееся местами внешнее благоустройство сопровождается, с одной стороны, пережитками глубокой дикости, с другой же - симптомами такого острого общественного разложения, какое возможно лишь на почве азиатской растленной нечистоты, накопившейся за много веков тьмы и косности. Чтобы разобраться в этом хаосе, необходимо всмотреться порознь в жизнь и характерные черты хотя бы главных племён, населяющих Кавказ.

При выполнении такой задачи приходится обратить особое внимание на терминологию и отказаться от некоторых из тех наименований и обобщений, которые уместны в будничной речи.

Например, слово туземец уже не годится, если мы хотим добраться до сути вещей. Оно придумано ленивыми, прямолинейными или недобросовестными кавказскими чиновниками, чтобы формальным признаком, отвечающим целому ряду разнообразных, неравноценных и часто противоположных понятий, оправдывать меры, – либо не жизненные, либо недобросовестные и, во всяком случае, вредные.

Если разделить население Кавказа на группы обширные, но сколько-нибудь цельные и окрашенные руководящей идеей, то таковыми группами явятся: грузины, как основная, государственная народность в крае, близкая нам по духу и по происхождению своей культуры; армяне, как элемент, гораздо более чужой для нас и, в лице своей наступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа; мусульмане, главным образом, двух категорий: азербайджанские татары, бывшие под сильным влиянием Персии, и мусульмане-горцы, духовный мир которых сложился под влиянием резких условий природы и резких требований ислама. Грузины-мусульмане и турки здесь в расчет не принимаются, за их малочисленностью.

Все эти коренные народности края не разрознены, а тесно переплетены друг с другом, частью органически, как армяне с грузинами и мусульманами, при помощи смешанных браков и многовекового невольного скрещиванья, частью посредством бытовых явлений, как горские грузины с прочими горцами на языческой подпочве, или армяне-торгаши с различными соседями, путем эксплуатации этих последних. Наконец, остаются русские, составляющие в Закавказье слишком 2% населения края и подразделяющиеся на целый ряд различных категорий; тут и высокие люди с протекцией, влияющие на судьбы края, не имея ни малейшего с ним делового знакомства; тут и доблестные, прямодушные русские воины, и кучка честных, образованных людей, и сектанты, упорно сохраняющие национальные особенности, и многострадальные переселенцы. Наконец, всякого рода и звания люди, которые настолько в дурном смысле окавказились, что утратили национальное чувство и понимание русского дела.

3.

Братья-грузины.

Недаром воспета нашими поэтами прекрасная Грузия, страна древних храмов, башен, цветов, песен и преданий! Иверская земля – удел Приснодевы, край св. Георгия, – по персидски «Гурджистан», о котором много веков тому назад с заочной любовью говорили наши благочестивые предки, как о древнем очаге Православия. Страдания маленького героического народа за веру и самобытность находили отголосок братского сочувствия в сердцах северных единоверцев. Сближение всё росло, особенно с тех пор, как Россия взяла на себя задачу третьего Рима, и завершилось добровольным присоединением карталино-кахетинского царства к России сто лет назад. Это было присоединение добровольное, не в кавычках, не такое, как со стороны невольно кокетничающих с нами среднеазиатских мелких государств, а серьёзное. Положим, в конце XVIII века грузинское царство несколько раз «отдавалось в подданство» России, причём грузинские цари оставались на престоле и внутренний строй Грузии не изменялся; стало быть,

понятие «подданства» истолковывалось, по меньшей мере, неправильно: оно давало право на защиту Грузии русским оружием от хищных азиатских соседей и налагало на грузин только обязанность... защищать свою родину от тех же врагов, да доставлять провиант русским войскам. Строго говоря, такое «подданство» не было даже типичной вассальной зависимостью, а более походило на союз слабого с сильным, в видах самозащиты. Надо отметить также, что многочисленные представители грузинского царского дома не сочувствовали состоявшемуся на заре XIX века радикальному решению вопроса о фиктивном дотеле подданстве, да и некоторые грузинские феодалы полагали, что Грузия должна была бы присоединиться к России не по манифесту, а по двустороннему договору, т.е. на началах особой автономии, или хотя бы полунезависимости. Такой взгляд существует и теперь; он даже усиленно, но довольно безуспешно пропагандируется теми грузинами, которые заразились армянским по духу сепаратизмом и выполняют, не всегда бескорыстно, его кавказскую противорусскую программу. И во время присоединения Грузии, и в последующие годы бывали там беспорядки на почве политических увлечений и недоразумений, повторение которых не невозможно и в будущем, под влиянием зарубежных воздействий и, порой, нетактичного управления краем. Но все это, в итоге, ничтожно и не отклоняет широких линий истории. Дело в том, что грузинский народ, во главе с подавляющим большинством своих руководителей, присоединился добровольно, безусловно и навсегда. Он выполнил свою историческую миссию, подчинился стихийной воле своей истстрадавшейся души, присоединившись к России на основе единоверия.

Пока мы дорожим своей верой, Грузия нам духовно близка. Эта связь запечатлена также потоками рыцарской грузинской крови, пролитой под русскими знаменами на ратном поле в борьбе за наше общее дело, за мировую задачу третьего Рима, задачу православной культуры. Пока мы верим в эту задачу и придаем значение своим знаменам, мы должны смотреть на грузин, как на братьев, и видеть в грузинском народе один из естественных вспомогательных рычагов указанной задачи в Передней Азии.

Положим, за истекшее столетие, под влиянием целого ряда условий, дела этих братьев испортились, характер их стал менее приятным, и ежедневные отношения с ними не обходятся без поверхностных недоразумений. Тем более необходимо разобраться во всем этом, чтобы жизненные мелочи не покрыли и стерли своим мусором широких линий нашей культурной истории, чтоб ничтожное не стубило великого, подобно тому, как мыши прогрызают картины бессмертных мастеров.

Грузины, или, точнее, картвельцы, живут в губерниях тифлисской и кутаисской. В тифлисской - грузины и кахетинцы; в кутаисской, за Сурамским перевалом - имеретины, рачинцы, мигрельцы, гурийцы, аджарцы и т.д. Засурамские картвельцы по типу, темпераменту и чертам характера настолько разнятся от грузин, что некоторые знатоки края считают их совершенно другим племенем. Грузины солиднее и устойчивее; засурамские картвельцы менее надежны во всех отношениях, но живее, бойчее, предприимчивее. Они доставляют главный контингент нарождающейся

грузинской по языку буржуазии.

Происхождение грузин не выяснено, что свидетельствует о чрезвычайной древности этого племени. По-видимому, оно, вдобавок, не совсем однородное, судя по именам, историко-географическим данным и разнообразию грузинских физических типов. Древняя царица массагетов носила имя Тамариссы, т.е. Тамары, Грузия называлась, как и часть Пиренейского полуострова, Иверией или Иберией; и доселе, если всмотреться в духовный и физический облик грузина, то его нетрудно принять за испанца, романизированного потомка кельт-ибера. Наряду с этим имеются сведения о грузинских селениях в Северной Африке и Абиссинии. В языке грузинском, в pendant к этому, имеются намеки на то, что народ, говоривший этим языком жил в стране очень жаркой, где вода была высшим благом; так, почти все главные жизненные понятия, - благодать, милость, несчастье, - связаны со словом «цкали», вода. Милость - по-грузински «цкалоба», несчастный - «сацкали», в буквальном переводе «принадлежащий воде», «несомый водой».. Такие метафоры обыкновенно не лгут. В более позднее время грузины, несомненно, породнились с евреями, которые попали в ту местность во времена навуходоносоровы. Доселе в Имеретии немало евреев, которых почти невозможно по внешности отличить от местных картвельцев. Житие св. Нины, просветительницы Грузии, свидетельствует о присутствии многих евреев в Мцхете, древней столице этого государства. Масса библейских названий местных селений доселе подтверждает это.

Грузия начинается с севера подле станции Казбек: там своего рода Запорожье древнего Иверского царства. Монастырь на горе, за Тереком, названия селений, как, например, Степанцминда, или св. Стефан, Сион и т.п., - всё говорит о свете св. Нины, воссиявшем среди этих угрюмых гор. Но с точки зрения этнографически-бытовой, настоящая Грузия начинается южнее, а её дуновение или предчувствие - только с Гудаура.

За	перевалом,	позади
Сурово-мощные		громады,
Снега,	обвалы,	водопады,
Туманы,	грозы	и дожди...
Здесь	- дуновение	отрады!
Хоть	порубежный	Гудаур
Ещё	задумчив,	или хмур,
Но	очертаньем	горных
Так	нежно манит	южный
И	ветерок	уж напоён
Благоуханием		азалий.
Узоры	мягкие	хребтов
Лежат	застывшею	волною,
Почти	сливаясь	с синевою
Небес	и дымкой	облаков.
И	в сердце	смутное
Как	будто взвиться	чрез мгновенье
Волшебный	занавес	готов
Над	лучезарною	страною
Святынь,	венчанных	стариною,

Это стихотворение - плод мгновенно вспыхнувшего чувства и потому неполно. Всмотревшись в Грузию поближе в облик природы и людей, нельзя не почуять глубоких следов страдания, и многовекового, и нынешнего. Какой-то рок тяготеет над страной, с виду созданной для блаженства.

История Грузии - сплошной мартиролог. Шекспир мог бы там почерпнуть сюжеты, неопределимые по трагизму. Как выше сказано, государства в настоящем смысле не было. Власть царей оспаривалась своевольными, грозными феодалами, властвовавшими над народом. Монастыри были в значительной мере крепостями и религия - сокровищем, которым народной массе не приходилось пользоваться полностью, так как главные усилия были направлены к его сохранению от внешних врагов. Феодал - епископ, кроме того, нередко бывал именно более феодалом, нежели служителем алтаря. Если можно так выразиться, широкие линии души, под влиянием борьбы за веру, насквозь прониклись христианством, но мелкие черты характера и бытовые условия во многом остались языческими, и Церковь вынуждена была примириться с ними: доселе, например, есть в некоторых местностях родовая кровная месть, доселе приносят животных в жертву Богу. Внешней безопасности не было, и нередко царям и феодалам приходилось то откупаться благами земными, невольниками, лестью, и, наконец, даже изменой вере, от хищных турецких и персидских властителей, то, признав власть этих последних, внезапно изменять им во имя народной самобытности или своих личных интересов.

Феодализм и родовое начало крепко укоренились. Во всей грузинской летописи, - картлис-цховреба, - это проходит красной нитью, и о народе, как об активной силе, почти нет упоминаний. Тем не менее, это - сила живая и сознательная, как видно из великолепного народного творчества, - песен, сказок, благородно-мудрых пословиц и колоритных преданий.

Грузинские простонародные волыночники, «мествирэ», - удивительные импровизаторы-поэты. Язык народа - сокровищница поэзии. Грузинские крестьяне мыслят образами, говорят философскими афоризмами. У одного хизана, - безземельного арендатора-крестьянина, погибла половина стада. Он смирился перед бедой и сказал: «Благодарение Господу! Он принял меня в братья, половину моего достояния взял Себе!...» Вот несколько характерных пословиц: «Между честными врагами посредник - совесть»; «у лжи короткие ноги». Высокое понятие о правде, но наряду с ним есть и пессимистическое, не без юмора: «Если хочешь сказать правду, держи наготове оседланную лошадь»..

По меткому замечанию одного молодого писателя-грузина, князя Авалова, феодализм спас грузинскую народность. Если царь покорялся какому-нибудь иноверному повелителю, то это не было еще подчинением Грузии, так как мудро было овладеть всеми замками феодалов и вырвать с корнем племенную самобытность. Но феодальная анархия мешала развитию государственно-народной культуры. Эта последняя расцвела лишь во время кратких проблесков сильной монархической власти. Такие проблески, и притом весьма яркие, связаны с именами царя Давида

Возобновителя, Царицы Царей (шах-ин-шах, или, по-грузински, мепис-мепе) Тамары Великой, позднее – Георгия Блистательного, и, наконец, Ираклия Второго, вступившего в подданство России на вассальных началах при Екатерине Великой. При этих монархах культурные семена, таившиеся в народе, давали урожай, что называется, сам-триста; страна покрывалась величественными храмами, в церквах появлялись священные предметы и книги с миниатюрами несравненной красоты. Звучали бессмертные стихи вдохновенных поэтов, как, например, поэма Шота Руставели «Человек, одетый в барсову кожу», отличающаяся неувядаемой прелестью изложения и обаятельной мудростью; она переведена на главные европейские языки (особенно хорош немецкий перевод Артура Лейста – «Der Mann im Tigerfelle»), и только на русском языке не имеется её полного стихотворного перевода.

Народ оценил своих царей, дававших ему правду и покой. Всё, что пленяет его взор, – храмы, развалины башен, загадочно-красивые места, – связывается с именем великой Тамары; царя Ираклия II, грозу персиян и турок, народ фамильярно называет «патара кахи», маленьким кахетинцем. На этих примерах видно, как глубоко демократична основа всякой сильной монархии.

В исконном социальном строе грузин был весьма крупный изъян, за который им пришлось пострадать, да и еще, быть может, придется поплатиться, если не существованием, то, во всяком случае, благополучием целого племени: у них не было собственной буржуазии. Промышленниками, торговцами и ремесленниками в немногочисленных грузинских городах были преимущественно иноверные и инородные армяне, укрывавшиеся под защиту грузинского меча от мусульманских преследований. Они играли у грузин отчасти ту же роль, какую тля играет у муравьев: пользовались миром под защитой грузинского меча, накапливали богатство, а по временам невольно делились этим последним со своими властителями, перед которыми трепетали в раболепном страхе. Покойный кавказский генерал Кишмишев, горячий армянский патриот, с озлоблением рассказывает в одной брошюре, что, когда богатые армяне отказывались давать требуемые феодалами деньги, то князья опускали их в мешках в быстротечную Куру и грозили утопить в случае неповиновения; по слухам, в числе пострадавших были предки названного автора. Способ вымогательства, конечно, сам по себе непохвальный, но находившийся, по-видимому, в тесной логической и бытовой связи с одинаково непохвальным способом, которым армянская буржуазия приумножала и доселе приумножает свои богатства, плоды зачастую явно-неправого стяжания.

Грузинские цари и князья не были беспочвенными доктринерами правового порядка: они чутьем понимали, что денежный феодализм, капитализм – есть враг государственности, когда выходит за благоразумные пределы. Заправский феодал не так страшен, ибо всегда известно, где его можно найти и как его в руки взять; «феодал капитализма» страшнее, потому что неизвестно, каких царских слуг он подкупит, каких вооруженных людей наймет, каким интересам народа, особенно чужого ему, он изменит ради своих выгод. Тогда подобные вопросы решались просто, и нужно сказать, что при соблюдении человечности и умеренности, это было резоннее, чем социально-экономический хаос, царящий в

большинстве современных государств, благодетельствованных европейской цивилизацией.

Так или иначе, армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь, при отвлеченно-принципиальном в теории, а на практике - зачастую беспринципном современном управлении краем. Тем не менее, и тогда отсутствие у грузин собственной буржуазии, роль которой армяне выполняли паразитически, было в основе так же ненормально, как если бы одному человеку вставили желудок другого человека, тайно работающий в пользу этого последнего. Пример, невероятный в единичной жизни, но бывалый в государствах; такая аномалия была одной из причин падения Польши, где экономическая область была захвачена евреями.

С той же аномалией не мешает познергичнее бороться и нашему государству, тем более что времена теперь гораздо более острые и менее богатые инстинктивным государственным смыслом: инородческая буржуазия - значит господство противорусских разлагающих идей и в печати, и в школе, и в общественных учреждениях, и даже в служилом классе, всегда мало обеспеченном; единичные люди, стоящие у тех или иных деловых шлюзов, могут не устоять перед пением таких сирен, как какой-нибудь еврейский банкир или армянский нефтепромышленник. Это уже и замечается...

Часть грузинских армян, племенной чертой которых является не только экономическое пронырство, но и бюрократическое пролазничество, воспитанное безнравственной персидско-турецкой служилой школой, проникла в грузинский служилый класс и даже в знать. За исключением двух-трех случаев, это была грубая ошибка со стороны грузинских царей, признак их слабости, а зачастую - подкупности многих властных лиц, не исключая самих венценосцев.

Характерны, между прочим, слова одного из последних грузинских царей об армянском семействе Коргановых *). Кто-то пришел к царю с челобитной на одного из них, царь признал правильность челобитной и виновность Корганова, но отвечал, что ничего с этим поделаться не может: «Это люди ядовитые; вот на Сололакской горе лежит мертвый Корганов. Волки вокруг него ходят и нюхают, а дотронуться боятся! Что же прикажешь мне делать с живым?!»

История показала грузинам, что нельзя доверяться людям, у которых есть природная склонность к шпионству и измене: армянские мелики Або и Меджун, благодетельствованные Ираклием II, который укрыл их от персидских гонений, в роковую минуту предались персиянам и были проводниками христиане...

Отсутствие собственной буржуазии весьма опасно любому народу в наши дни, когда экономические вопросы имеют преобладающее значение; насущно необходим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, т.е. представителями дворянства, приспособляющимися к новым условиям; в противном случае разоряющиеся дворяне будут падать прямо «на дно», а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров. От этого зависит уровень всех культурных учреждений и форм жизни: и церковь, и школа, и печать, и благотворительность, - все это слабеет без материальной и идейной поддержки со стороны энергичного промышленного класса.

Образованность падает – и это немудрено: учебные заведения находятся в городах – и захолустному деревенскому жителю, даже обладающему большим, но мало доходным имением, мудрено жить на два дома, чтобы воспитывать сына в гимназии, или хотя бы готовить его туда; а платить за полный пансион ребенка дорого, да и дитя отрывается от семьи; любой же мелкий приказчик, фактор, духанщик из армян, живя в городе, может почти без затрат довести своего сына до университета. Когда такая разница в положении проявляется в большом числе фактов, то, в результате целая народность отстает в культурном отношении и теряет крупные шансы в борьбе за существование. В данном случае, с русской государственной точки зрения, это весьма невыгодно, т.к. грузинская народность в Закавказье является ближайшей нам по духу и основам культуры, обладает высокими нравственными традициями, а, кроме того, как видно из целого ряда отчетов попечителя кавказского учебного округа, отличается большими способностями к научному и нравственному развитию, чем все прочие местные племена.

В начале XIX века прочно водворяется в Грузии русская власть, принося блага мира и открывая простор всестороннему развитию края. Однако для своеобразной Грузии мир оказался благом не безусловным, а относительным. Во всяком случае, несомненно, что он принес и кое-какие отрицательные явления. Во-первых, в дни постоянной опасности грузины проводили большую часть времени в горах, а с наступлением мира прочнее осели в знойных долинах, где лукавым врагом их явилась малярия, убийственно влияющая на здоровье; преемственные следы малярии можно встретить теперь даже на личиках новорожденных детей.

Во-вторых, хотя виноделие и процветало издревле в Грузии, но хроническое отсутствие безопасности мешало злоупотреблять его плодами. Тогдашние пиры были редки и торжественны, как праздники победы или спасения. Традиционная песня «мравалжамиер» (т.е. многолетие) заканчивалась (и доселе заканчивается у грузин-горцев) словом аминь и крестным знаменем. Теперь, когда пируют иначе и, от безделья, слишком часто, она стала простой застольной песней, и торжественный церковный мотив её нередко сменяется бесшабашно-весёлым. Злоупотребление пирами – не шутка: в некоторых местностях можно видеть немало детей, возникших в момент нетрезвости отцов. Это, по меньшей мере, скверно влияет на волевые центры множества людей, и притом в такой исторический момент, когда нужен серьёзный систематический труд, нужна вдумчивая самостоятельность.

Необходимо отметить характерный, весьма отрадный симптом, все чаще встречающийся в Грузии: молодежь чувствует нередко отвращение к вину; можно подумать, что здесь говорит расовый инстинкт самосохранения. Надо надеяться, что он принесет добрые плоды.

Очень жаль, что у нас еще сравнительно мало наблюдают за психофизическим состоянием населения в разных местностях Империи; особенно важны были бы систематические наблюдения на окраинах с пёстрым населением, где выводы на основании точных данных могли бы иметь не только практически-государственное, но и общенаучное значение. В частности, такое дело, хотя и в

ограниченных размерах, но при возможности значительной полноты характерных данных, сподручно начальству учебных заведений, особенно закрытых. В Тифлисе в конце 90-х годов был во главе местного кадетского корпуса видный педагог И. Д. Смирнов, ведший глубоко-интересные записки, богатые весьма ценным материалом такого рода и остроумными выводами, но, к сожалению, доселе не напечатанные. В частности, он обратил сочувственное внимание на грузинскую учащуюся молодежь и заметил, что в этом подрастающем поколении весьма часто происходит следующий ряд перемен: маленький грузин лет 14 или 15-ти отличается необыкновенной вспыльчивостью к жизненным и научным впечатлениям, находчив, боек, доступен педагогическим воздействиям; затем, около указанного возраста, совпадающим с ранним на юге половым созреванием, он как-то привядает, тупеет, утрачивает интерес к науке, а иногда проявляет те или иные порочные наклонности; через два-три года он несколько оправляется от этого явления, которое можно назвать недугом, но задатки прежних духовных сил уже не восстанавливаются и выходит довольно шаблонный юноша, словно несущий отпечаток какой-то болезни. Очевидно, тут влияют и природа вообще, и малярия в частности, и результаты наследственного алкоголизма, выражающиеся в ослаблении волевых центров, и крайний недостаток домашнего надзора за мальчиками в острый период первых страстей, ничем и никем не сдержанных.

Чтобы завершить перечень перемен психофизических, не мешает сообразить, что многовековая война выработала в нервной системе грузина черты, не находящие себе теперь применения и потому извращающиеся; удаль и рыцарский блеск нашли себе применение в кутежах, карточной игре, кровавых ссорах, тщеславной роскоши выше средств и т.п.; все круче становится наклонная плоскость, ведущая от прежних подвигов к бесславной гибели или скамье подсудимых: всматриваясь в лица людей, сидящих на ней, нельзя отрешиться от чувства мучительной боли: так наглядно, что многие из этих сегодняшних преступников, при иных условиях, были бы героями; в них действует не злая воля, а взрыв бесцельной и безысходной нервной энергии.

В государстве, где понятие экономии народной жизни более разработано, этой стихийной силе дали бы применение, либо как войску на другой окраине, либо в каких-нибудь иных сферах, например, мореплавании и т.д., где нужна дисциплинированная удаль, как творческий элемент. Теперешние кавказские власти упустили случай поднять, например, вопрос о том, чтобы из обедневшего безземельного, кутящего контингента кутаисских дворян, составить дружину во время китайской войны, или ряд станиц на границе Манчжурии.

В древней Греции государство искусственно развивало те черты, которые мы на Кавказе получили даром и которым мы предоставляем молчать и гнить, с явным вредом для общественной безопасности, для неповинного народа и для русского государственного дела.

Необходимо еще отметить одно весьма характерное явление. Грузины любят служить у себя на родине и горько сетуют, если, по окончании курса в высших учебных заведениях, им это не удастся: они склонны в этом видеть «обрусительную политику», хотя она тут

совершенно не причем. Ведь никакой уроженец Полтавской или Тамбовской губернии не требует, чтоб ему давали место непременно там, где он явился на свет: в наше время перепроизводства ни к чему не подготовленной дипломной интеллигенции он благодарен судьбе, если ему вообще дадут какое бы то ни было место. А грузину желательно непременно «устроиться» в Грузии. Между тем, именно там-то ему и труднее всего сделать что-нибудь путное, быть полезным народу и выдвинуться по службе, так как многие условия местной жизни этому сильной мешают. Страна все еще переживает болезненно-переходное состояние. Старый строй рушился, а к новому население не приспособилось. Прежние нравы и обычаи отмирают, т.е. именно гниют и мельчают; остаются в силе только деспотичные мелочи и формы, уживающиеся преимущественно с отрицательными сторонами новых понятий. Сплошь да рядом можно встретить «интеллигентного» грузина, в сознании и чувствах которого перепутались родовые счеты и феодальные амбиции с шаблонными формулами более или менее крайнего «либерализма». Творчеству, под давлением таких внутренних противоречий, мудрено возникнуть и разрастись на зыбкой почве смены понятий и настроений. Грузин-юрист наталкивается на неискоренимое родовое начало, охранитель казенных земельных интересов – на органическое, стихийное к ним неуважение, ревнитель крестьянского блага – на пережиток упорных феодальных инстинктов, писатель – на ревнивые требования племенного обособления. Всюду и во всем – препятствия широкому взгляду на общегосударственные и человеческие интересы, без которого немислимо принципиально-обоснованное прогрессивное творчество. Если прибавить к этому мстительность людей, считающих себя обиженными, и назойливость тех, кто чего-либо домогается в ущерб закону, то можно себе представить, как тяжело приходится любому кавказскому деятелю-грузину, связанному с местными обывателями родством, соседством, приятнью, или хотя бы враждой. Доносы, приставанья, угрозы, – целый ад!.. Если область, в которой он работает, не затрагивает кровных интересов его земляков, то и тогда ему трудно систематично работать, потому что ему не дают смирно посидеть за письменным столом то гости, требующие радушного приема с вином и пением, то приятели, зовущие его в гости на вино и пение. Климат разнеживающий, обычай обленивающий и отвлекающий от серьезного дела, и многое множество людей без дела, призвание которых как будто состоит в том, чтобы мешать ближним работать.

Весьма замечательно, что грузины оказываются талантливыми деятелями на разных поприщах именно при условии отдаления от родины. Примеров много бы можно привести, но я остановлюсь на одном, весьма ярком и поучительном с начала до конца. Один князь, проводивший время в кутежах, убил совершенно зря какого-то скромного обывателя, имевшего несчастье зайти в туземный ресторан и навлечь на себя внезапный гнев этого «рыцаря»; преступника сослали сперва в Сибирь, а затем в одну из южных губерний Европейской России. В обоих местах ссылки он стяжал всеобщее уважение и сочувствие своей порядочностью, трудолюбием и полезной деятельностью; так, например, на юге России он принялся обучать население шелководству, огородничеству и

виноградарству и стал близким советником губернатора в его заботах о подъеме народного благосостояния. Вдруг с Кавказа пришла весть о том, что мать ссыльного князя умирает. Ему разрешили съездить на родину – и по пути он заглянул к находившемуся тогда во Владикавказе известному боевому генералу и администратору князю Н. З. Чавчавадзе, чтобы просить его содействия для исходатайствования ссыльному полного помилования. Князь Николай Зурабович получил так называемое «чапарское воспитание», т.е. никакими дипломами не обладал, но был человек самостоятельно образованный и необычайно умный. Он участливо посмотрел на просителя и сказал ему: «И с какой стати это тебя, глупого, тянет в Грузию?! Пользовался бы тем, что на чужой стороне можешь спокойно работать, ума-разума набираться и чему-нибудь учиться! А попадешь на родину – и опять станешь копителем неба, а, пожалуй, и еще раз дойдешь до преступления. Во всяком случае, быть полезным человеком тебе там вряд ли удастся». Но ссыльный, встосковавшийся по родине, не унимался, – и маститый князь уступил: исходатайствовал ему полное помилование. И предсказание его сбылось, как по писанному! Прощенный ссыльный получил недурное казенное место на родине, но затем весьма скоро его потерял по собственной вине и стал хозяйничать на клочке наследственной земли; пошли сперва соседские пирушки, потом попойки в городах, и, наконец, какой-то собутыльник распорол ему живот кинжалом. Пострадавший остался жив, но, конечно, ещё отдалился от возможности быть «полезным человеком»...

Жизнь грузинского общества, особенно высших его классов, резко меняется к худшему, строй разлагается, и именно вследствие рокового несоответствия между исторически-выработанным характером народа и новыми социально-экономическими условиями, не говоря уже о законах. Утрата почвенных нравов и обычаев не может не вести к разложению. Перемена образа жизни сразу не дается. Спортивность и органическая жажда сильных нервных впечатлений, не находя прежних форм для своего удовлетворения, переходит не только в обыкновенную преступность, но и в увлечение анархическими утопиями. Грузинскую молодежь, в душе вполне лояльную и вообще очень симпатичную, весьма нетрудно смутьянам подвинуть на резкие выходки с печальными последствиями: иногда достаточно для этого сказать, что та или иная авантюра ведет к славе, что грузинам следует быть «передовым народом» и т. п. Народная масса, особенно за Сурамом, т.е. в Имеретии, Мингрелии, Гурии, также довольно чутка к анархическим нашептываниям; в Гурии (Озургетский уезд) уже довольно давно аграрные отношения приняли чрезвычайно острый характер. С одной стороны заметный рост общей преступности, с другой – социалистические бредни, с третьей – преступные же колоритные формы старых хищных инстинктов и понятий, – все это создает небезопасную в близком будущем массу горючего материала в западной Грузии, напоминающей то Италию с ее карбонариями, то Корсику с ее кровавой анархией и своеобразно-диким колоритом. Маленькая книжка Проспера Мериме «Colomba», рисующая корсиканские нравы, заставляет переноситься мысленно в засурамскую Грузию. Между прочим, характерная грузинская черта –

необычайная театральность всего населения, сверху донизу. Грузины, особенно западные, – прирожденные актеры, поэты, художники. В них говорит и сильная, красивая, резкая природа, отражающаяся на их духовном складе, и полная приключений история: приключения и склонности предков претворяются у потомков в игру фантазии и именно в органическую художественность. Когда это приобретает значение и размеры массового явления, то, значит, нервы целой народности постоянно возбужденны, восприимчивость получается болезненная...

Интересной иллюстрацией к изложенному может послужить следующий факт. В 1895 году был зверски убит в Кутаисе огромной толпой евреев некий Лука Костава. Мать и вдова убитого явились в Кутаис с распущенными волосами, исцарапанными грудями и воплями ярости. Один вид их мгновенно взбудоражил все население, произведшее немедленно гигантский разгром еврейского квартала. Вся местная интеллигенция была на стороне громил; говорили о ростовщицьем гнёте главных еврейских тузов над местными обывателями, о предосудительном амикошонстве богатого еврея Цициашвили с одним местным администратором (вскоре уволенным в отставку), и т.д.; антисемитизм был повальный. Прошло несколько лет; петербургские евреи и их прислужники устроили известный скандал в Малом театре на представлении «Контрабандистов» – и та же пьеса вызвала вскоре аналогичный скандал в кутаисском городском театре: недавние «убежденные» антисемиты явились защитниками дурных инстинктов еврейства. В обоих случаях главную роль играла именно нервная восприимчивость и театральность, в связи со склонностью фрондировать...

Вникая в самую глубь области чисто-психологической, следует отметить, что мир и новые условия жизни крайне пагубно отразились на грузинской Церкви. В течение многих веков религия запечатлевалась кровью мучеников и вера была подвигом. Автокефальная грузинская церковь, несмотря на наличность епископов-феодалов и неразработанность богословия, озарялась самосознанием. С наступлением мира, вера утратила трагический характер, свойственный самому существу христианства, и потому оскудела. Автокефальная Церковь, в силу здравых государственных соображений, была упразднена, и ее огромные земельные имущества были взяты в казну. Положим, последнее состоялось по ходатайству самого грузинского духовенства, сознававшего свою неспособность управиться с ними. Это бы и не беда, если бы рядом с урезанной грузинской Церковью не высилось в Эчмиадзине внушительное здание армянской теократии, богатой землями и деньгами (управление которыми лишь весьма недавно передано в ведение казны), политически организованной и нередко ведущей открытую борьбу с русской властью. При виде такой картины, подзадоривающей сепаративные чувства в каком угодно народе, грузины, не взирая на только что обнародованную реформу управления армянскими церковными имуществами, все еще вправе вывести заключение, что на Кавказе выгодно быть иноверным.

Наконец, и это соображение отступило бы на второй план, если бы Православие пользовалось в крае достаточной заботой и вниманием служилого класса и общества. Между тем, еще весьма недавно в столицах и центре России религия обреталась не в

авантаже, и серьезный поворот к лучшему начался лишь по державно-творческому почину незабвенного Императора Александра III, причем это спасательное движение до Грузии пока дошло в слабых размерах. Всего несколько лет тому назад, один важный кавказский чиновник спросил экзарха Грузии, поедет ли его высокопреосвященство на вокзал встречать католика всех армян. Получив отрицательный ответ, сановник удивился:

- Ведь, кажется, патриарх в церковной иерархии больше значит, чем митрополит или экзарх?

- Да, - спокойно ответил владыка, - но только православный патриарх, а не ересиарх.

Сановник пожал плечами, но настаивать не посмел.

Возьму другой случай, не менее характерный. В одной подцензурной армянской газете, печатающейся русскими буквами, появились недостойнейшие инсинуации против одного из древнейших и воистину благочестивейших грузинских монастырей, обители Иоанна Зедадзенского. Между прочим, было в прозрачном намеке сказано, что чудо (самонаполнение бассейна водой в день храмового праздника), которым славится эта обитель IV в., есть не более, как шарлатанство. Как очевидец, побывавший в этом орлином гнезде, где впроголодь живут пять убогих отшельников, я написал ответ, заслуженный клеветником. Цензура мне его запретила. Когда я явился к кому следует для личных объяснений и стал доказывать, что издательство в газете над народными святынями есть грязная гадость, лучшим противоядием против которой может служить негодующее печатное слово, - то господин, с которым я объяснялся, отвечал с видом удивленного либерализма:

- Что за пристрастие к религии?! Простите, у вас немножко жандармская точка зрения. Охота поддерживать отживший хлам!

В устах должностного лица это было, по меньшей мере, неуместно!..

Для иллюстрации этого случая добавляю еще кое-что. Автор указанной подлой статьи был политический ссыльный, чуть ли не из участников заговора 1 марта. Очутившись в Тифлисе, он систематически служил армянской ростовщическо-сепаратистской интриге в местной печати и, между прочим, шельмовал, под предлогом либерализма, многое из того, что дорого настоящим грузинам и русским. Когда этот проходимец умер, то на похоронах его фигурировал, среди тифлисских шпыней и умственных босяков, один из местных предводителей дворянства, человек гордящийся титулом и придворным званием. Очевидно, он сделал это по приказанию армянских заправил, у которых состоит в долгу.

Значение такого факта, как упадок религии, прямо трагично для народа, вся культура, вся духовная жизнь которого зиждилась на этой основе. Бедствие осложнилось ещё целым рядом других, естественно возникавших явлений, из которых самым роковым особенно для грузинского народа, были реформы 60-х годов; говорю для народа, а не для одного только дворянства, потому что и дворяне, и крестьяне немедленно после разрыва связи между ними, очутились в цепких лапах армянской буржуазии. Что при патриархальном складе дореформенного наместничества могло сдерживаться властной рукой таких мудрых правителей, как Ермолов или Воронцов, то разрослось под кровом отвлеченного правового

порядка, давшего пронырливому мошенничеству перевес над патриархальным и далеко не всегда (а лишь в исключительных случаях) суровым традиционным произволом. Новые суды и, главное, беспринципные адвокаты развили сутяжничество, кляузничество, лжесвидетельство, подмен обычной честности формальной безнаказанностью, и т.д. Особенно славятся этим имеритины. Они дают своим дочерям в приданое сотни гербовых марок. Однажды в городском саду в Тифлисе я следил с часами в руках за беседой двух поваров-имеретин; за четверть часа их грузинская речь прерывалась более полутора раза возгласами: «кассационни прашени», «примэчани на статей» и т.д.

Городское самоуправление нового образца с невероятной быстротой оказалось в руках армянской плутократии, хозяйничающей беззастенчивейшим образом и открыто пренебрегающей интересами более многочисленной разноплеменной массы населения. Почти все банки, не исключая государственного, оказались в руках у армян, а также и сбыт продуктов сельского хозяйства. Вся экономическая жизнь края находится в железных тисках стачки.

Грузинское землевладение тает с невероятной быстротой. Разные Манташевы, Арамьянцы, Арафеловы, Макарьянцы и другие армянские тузы скупают за бесценок грузинские земли и населяют их выходцами из Турции; часовни и даже церкви переходят в руки армян.

Нужно заметить, что громадная часть этого процесса совершается тайно: армяне ещё не смеют открыто предъявлять всех своих документов и ликвидировать своих междуплеменных вопросов в области земельной. Они боятся взрыва отчаяния в грузинском обществе и подозревают, что русское правительство, вследствие резкого кризиса, станет поближе присматриваться к кавказским делам.

Немалый вред нанесла грузинам и новейшая школа, пробавлявшаяся ложным классицизмом и почти лишенная доброго воспитательного значения. Прежняя батальонная и полковая школа времен Ермолова и Воронцова, как выше сказано, была несложна, но хорошо направлена. Она закаляла умы и характеры, приспособляя их для перехода к новым государственным условиям. Она дала ряд видных военачальников и администраторов-грузин. Среди питомцев новой школы выдающихся людей меньше, а людей, сбитых с толку – многое множество. В Грузии, где почти нет фабрик и о рабочем пролетариате смешно даже рассуждать, немудрено теперь встретить упорного марксиста; в стране, где вино льется рекой, а табак курится чуть ли не во сне, попадают мнимые «толстовцы». Масса интеллигентных сил, получая русские дипломы, не находит себе применения, мельчает и превращается в каких-то людей без определенного колорита, или с левантинским оттенком.

Борьба, которую вёл почивший попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, с тогдашним министерством народного просвещения, имела целью приспособление педагогического дела к местной почве. Этот замечательный педагог не дождался победы своих идей, и Бог весть, когда мы еще дождемся её. Доселе ещё силен пагубный предрассудок «единой школы»; смешивают понятия цели и средства. Между тем, казалось бы, ясно, что стремление к одинаковым конечным целям при различных условиях должно успешнее

достигаться именно разнообразием средств. Идеал школы – дифференциация, а не единство.

Низшая школа также не вполне на высоте своей задачи, потому, что она по временам слишком торопится вытеснить природный язык населения. Этот формальный отчетный или, еще точнее, карьерный успех достигается ценою ущерба для духовного развития, ибо природный язык является естественным органическим орудием этого последнего. Государственный язык народу, конечно, нужен, как путь ко всем благам и преимуществам полноправных российских граждан. Народ жаждет знания русского языка, и представители местной интеллигенции, которые в душе этого не желали бы, руководствуются крепостническими чувствованиями или соображениями: им выгодно загнать народ в темный уголок неведения, чтобы эксплуатировать его возможно беспрепятственнее. Но не правы и те педагоги, которые из простого и ясного вопроса о языке делают раздражающую шикану, выслуживаясь на нервах народа, в основе склонного быть союзником нашим в Закавказье. Ясно, что государственному и природному местному языкам можно разверстаться мирно, не исключая друг друга: это вопрос такта и доброжелательства к населению.

Я не стусил красок, рисуя отрицательные стороны грузинской жизни. Необходимо отметить, что значительная часть князей и дворян, особенно проживающих в Тифлисе и ведущих жизнь выше средств, падает не только материально, но и морально, подчиняясь влиянию богатых армян, которые все с большим основанием считают их своим политическим орудием. Уровень женской нравственности и достоинства тоже заметно падает, под влиянием такой жизни, да и вообще дурных сторон карикатурной в Тифлисе европейской цивилизации.

Была ли древняя грузинка нравственна? Такие путешественники, как Шарден и Дюма, отрицают это. Думаю, они правы. Типичные грузинки старого закала, которых мне приходилось встречать, внушают к себе полное уважение. Южной, пылкой женщине чадра и своеобразный этикет прежнего времени были подсказаны, может быть, самой природой.

Дело обстоит плохо, хотя и не безнадежно. Во-первых, погибнет, и скверно погибнет, значительная часть высшего сословия, в течение многих веков воплощавшего собой почти всю Грузию. Это скверно, ибо всякому народу нужен высший класс, обладающий благородными традициями; а они были. Часть высшего класса, более скромная, вероятно, удержится в своих поместьях. Это – разные отставные капитаны, прапорщики милиции со знаком военного ордена в петлице, и т. п.; это настоящие почвенные грузины, люди допропорядочные, преданные своему народу, Государю и отечеству. Нарастает мало-помалу сверху и снизу грузинская буржуазия, если действительно-передовые грузины и русская власть поймут, что этому делу настоятельно необходимо помочь. С оздоровлением русской школы и печати поднимется уровень и грузинской интеллигенции; но всякая народная масса нуждается в помощи и в заботливом внимании правительства.

Теперь грузинский крестьянин еще забит, сконфужен и как-то растерялся, тем более что свободу-то ему объявили, но реформу скомкали, как попало; обязательные земельные отношения еще не

распутаны, как не распутано ни межевание, ни многое другое. Экономические условия гнетут его; в лице скупщиков и кулаков-армян, он получил более жестоких властителей, чем прежние господа, самодурство которых смягчалось целым рядом добрых обычаев, сближавших сословия между собой. Прежняя строгая власть феодалов держала крестьян, при этом, в повиновении, заставляла их уважать чужую собственность. Теперь эта власть упразднена, а понятие законности в народном сознании не укоренилось, так как перемена была слишком резка и народ к ней не был готов. Аграрные недоразумения происходят не чаще. И при этом крестьянин не чувствует себя гражданином с определенными правами и обязанностями. Вновь позволю себе воспользоваться стихотворной формой, потому что у неё есть техническое удобство: она короче и определеннее. Предмет стихотворения - грузинский крестьянин Ваню, соответствующий русскому Ивану.

В	А	Н	О	
В Вдали Индеек Дорогой	ущельях чуть гонит	сыро брезжит пыльной	и луч из	темно, рассвета... Душета Ваню.
В Платком В Шагает	руке шинели	большая повязан, рваной, медленно	без	хворостина, смуглолиц, петлиц, детина.
Во И За Синеет	взоре в складке белой	черных губ дремлющая	глаз - лентою	- следы дороги даль.
И Ваню, Что Его	словно свершая обманет	чуёт непрерывно	иль скучный иль	предвидит путь, кто-нибудь обидит.
В Не Придется Чапар	духанах то с	- отдать встречному нагайкой	могут индюшек - это	обокрасть; пару чапару власть!
Под Всесильных Из Неустранимые	самым рук	городом, скупщиков все вырвут	в и	духанах приют: возьмут армяне.
Они Ваню Но Подсунуть	над покорно вот	рынком фальшивую могут.	господа понял Что	- это. монету тогда?

Деньжонок надо: срок подходит
Начальству подати платить.
Сынка давно пора крестить:
Уж говорит и бойко ходит.

Хоть пара буйволов была:
Чинить дорогу их забрали!
Вернулись хворыми и пали..
Колючкой нива поросла.

Земля с помещиками в споре:
Межуют, судят двадцать лет,
А все решенья нет, как нет!
Куда ни глянь - одно лишь горе!

Соседи воду отвели
И сохнет сад, а нет управы;
Лишь адвокат, мудрец лукавый,
Все пишет: «денег вновь пришли».

Идет Ваню, томим тоскою.
Заря восходит из-за гор.
Багрянцем залитый простор
Сверкает дивной красотой.

И в сердце хлынула струя
Восторга, что-то в нем запело:
«Самшобло, чемо Сакартвело!»
«Отчизна, Грузия моя!»

Да, он стихийно любит свою отчизну, как любит её всякий грузин, потому, что её нельзя не любить. Но на русского Царя он смотрит не просто, как на начальство, а как на своего законного царя, естественного преемника прежних династий. Это патриархальная, сыновья любовь, не содержащая в себе ни тени холопства.

Вот один из тысячи характерных случаев, рассказываемых тифлисским простонародьем о поездке Императора Александра III в Кахетию. Когда Их Величества выехали из Тифлиса, то на шоссе им попался простолудин, сидевший на корточках и жаривший шашлык. В неистовом восторге он замахал руками и закричал, поднимая стакан

с вином:
- Александре, Мариамо, гамарджоба! Дай Бог вам победу!

Государь ошастливил грузина: отхлебнул вина и выпил за свой верный грузинский народ.

4. Русско-грузинские отношения.

Весьма интересен вопрос о русско-грузинских отношениях. Ниже народные слои сблизятся прекрасно, как два родственных, стихийных начала. И в древнем Мцхете и в Бодбийском монастыре, в Кахетии, бывают тысячи русских богомольцев, братающихся с грузинами. В армии русские также теснее всего сходятся с

грузинами, тогда как армян офицерская семья некоторых полков, как, например, Нижегородского, не склонна принимать в свою среду. Генералы из грузин популярны среди русских солдат, как люди с надлежащей осанкой и мужественные. Года через два после оставления корпусных командиром, князем Амилахвари, своего поста, некоторые солдатики были убеждены, что он «во временном отсутствии» и что «в случае военных действий опять будет командовать».

Отношения же между служилым классом и грузинским дворянством - довольно рогатые, - несомненно, по вине обеих сторон. Во-первых, у местного высшего сословия довольно много наступательной амбиции, а гражданской принципиальности зачастую не хватает. Стоит чиновнику отказать какому-нибудь потомку феодалов в невыполнимой или незаконной просьбе, чтобы этот последний признал всех чиновников мучителями, а всю Грузию несправедливо обиженной. Логика немного дамская: если один мужчина огорчит даму, - она непременно скажет, что все мужчины изверги!.. Между тем, сами же эти князья нередко обращаются свысока с чиновниками из семинаристов или вообще незнатными, сами же создать себе недоброжелателей.

Особенно «неудобны» бывают некоторые представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких «*rois en exil*»; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к «эффектному» прожиганию жизни, проели деньги, полученные от казны в вознаграждение за утраченные «владения», быстро спустили затем еще ряд «пособий» и плоды выигранных у той же казны процессов, являются самыми яркими ненавистниками всего русского, даже когда на них продолжают сыпаться благодеяния; в их недовольстве звучит, если можно так выразиться, органическая скорбь об утраченном «произволе на курьих ножках». Обладая иногда большими связями в столичных сферах, эти господа при случае являются истинным бедствием для кавказских русских властей; постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего паразитического «блеска», они снюхиваются с богатыми вожаками армянского движения и являются проводниками их тенденций и интриг в доступных им кругах. Они же обыкновенно эскамотируют в свою пользу великодушное настроение русского правительства, выражающееся по временам смутной формулой «*IL fout faire quel que chose pour ces bons Georgiens*». Львиную долю этого «quelque chose» хватают на лету люди без того пресыщенные всякими милостями, а грузинам, как народности, от этого не слаще. В русском служилом классе привилегированные паразиты вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом. Русский человек по натуре демократичен и феодальной гордости не понимает: он ценит заслуги, а не гербы.

В сношениях обывателя со служилым классом нужна вообще некоторая политика. Когда армянин желает добиться чего-нибудь, то он стелется ковром, змеей ползёт у ног любого делопроизводителя и достигает своей цели нередко одной вкрадчивостью. У грузинской аристократии и интеллигенции нет ни этой «удобной» черты, ни черты более высокой и почтенной, а именно выдержки. От того и деловое положение их зачастую

неустойчиво. Вредят они себе также пристрастием к родовому началу: самый доброжелательный чиновник, естественно, с меньшим доверием относится к человеку, у которого под соображениями принципиального характера он имеет основание подозревать партийные или родственные комбинации.

Смесь средневековых чувствований с теоретическими понятиями XX века порождает, конечно, путаницу, невыгодную для её носителя. Под впечатлением частых недоразумений, обе заинтересованные стороны склонны к огульным мнениям и легко верят клевете, вследствие чего отношения ещё обостряются. Грузины склонны находить, что все кавказские чиновники непременно плохие люди, что, разумеется, неверно: многие, правда, - но не все! Многие кавказские чиновники склонны утверждать, что все грузины серьёзные сепаратисты, что такое совершенно неверно.

Грузины любят с убеждением выдвигать слово верноподданный, что означает на кавказском символическом языке исповедание преданности Государю, но нежелание подчиняться кавказским властям. Грузинские дворяне удивительно умеют «дуться» на чиновников и тем вредить себе. Трудно описать, сколько муки принял, сколько мелких уголков самолюбия получил, например, покойный князь Дондуков-Корсаков, искренно желавший добра грузинам и лишь под конец выведенный из терпения. Рассказывают, например, что, когда он приехал однажды в Кутаис, его угостили следующим транспарантом: изобразили две начальные буквы его фамилии, Д.К., а повыше, в интервале, написали «ура». И это проделали, как школьники, зря, для красного словца! В основе ряда подобных поступков лежало неудовольствие по поводу упразднения наместничества, более отвечающего отрицательным сторонам восточного мирозерцания и быта, чем холодно-строгий порядок и законность.

Кавказская атмосфера, растлеваемая армянской лестью и посулами и обостряемая грузинской нервностью, весьма плохо влияет и на русский служилый класс, мало-мальски властные представители которого, чувствуя себя далеко от Петербурга, легко поддаются соблазнам восточных бюрократических нравов. Это учитывается в свою пользу лукавыми элементами населения, а элементы нервные на этом проигрывают. Один старый грузин как-то шутя заявил, что не может отыскать границы между понятиями «правительства», «покровительства» и «превосходительства». Вообще, горького юмора в грузинских речах довольно много. Например, один князь формулировал свое положение так: «У меня имение отобрали армяне, службу отобрали начальство и остались только верноподданные чувства, да хороший аппетит. Ничего, жить можно!».

По временам поднимается то чиновниками, то печатью вопрос о грузинском сепаратизме. Оставляя в стороне преувеличения и, может быть, мечтания какой-нибудь кучки невлиятельных людей, необходимо водворить это обвинение в действительные границы существующего факта.

Славная история не забывается и сознательные классы народа, отнюдь не изменяя своим верноподданныческим чувствам и не возражая против прочности добровольного присоединения Грузии к

России, тем не менее, желали бы не утратить своей этнографической самобытности. Они дорожат своим народным обликом, языком, обиходным и церковным, песням, литературой, символизмом обычаев.

Вряд ли это кому-нибудь мешает. Скажу больше: так как нравственность и цельность человеческой личности зиждется на нравах и обычаях, на почве расовой, то грузин типичный, с точки зрения широко понятых государственных интересов, предпочтительнее грузина, оторванного от почвы и не прикрепившегося прочно к русским началам: последний принимает облик левантинца, человека с племенными недостатками и без традиционных племенных добродетелей, т.е. человека никому не полезного: ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Более острые формы обособления, как выше сказано, замечаются за Сурамом, в Кутаисской губернии. Объяснения тому надо искать в истории, чрезвычайно анархичной по характеру и в лихорадочном климате, и в необычайной нервности этой отрасли грузин. Помимо всего, царство Имеретинское было скорее завоёвано, чем добровольно присоединилось. Наконец, при указанных условиях, острое значение имеют явления социально-экономические, в силу которых наиболее сознательная часть населения, очутившись на мели, проявляет симптомы тревожного свойства.

В стремлениях обособляющейся части грузинского общества есть немало внутренних противоречий. Представители этих настроений, с одной стороны, глядят в прошлое, увлекаются своеобразной дилетантской археологией, нервно дорожат костюмом, кинжалом, архитектурой и всякими внешними формами с племенным отпечатком, с другой же - хотели бы распространения на Грузию общероссийских учреждений, т.е. суда присяжных, земства университетов и иных высших учебных заведений: с одной стороны они стоят за неприкосновенность грузинского языка, с другой - за марксистскую классовую борьбу, отрицая значение языка и традиций. Эти различные мнения выдвигаются различными группами интеллигенции, спорящими между собой, но обыкновенно объединяющимися в общей струе центробежных стремлений; зачастую же совершенно противоречивые тенденции уживаются в одном и том же лице, свидетельствуя о путанице понятий.

Грузины - одновременно народ неполитический и вместе обладающий склонностью к нервным ощущениям, даваемым театральными сторонами и спортивными формами политической борьбы. В изложенном, на первый взгляд, как будто содержится противоречие. Но дело в том, что нервная склонность к политике еще не есть призвание, венчаемое успехами. Строго говоря, названия «политического народа» наиболее заслуживают лишь германцы, в особенности же их англо-саксонская отрасль: там народоправство работает ровно, почвенно, успешно, причём общество почти сливается с правительством: большинство прочих народов нуждаются в сильной центральной власти и в административном строе, потому что их граждане либо не так умеют «спеться», либо равнодушны к политике, либо слишком нервны (почти все южане). Народ «политический» может быть мелким и буржуазно-пошлым (например, голландцы и т.п.), а «неполитический» - великим, как, например, русские. Вопрос тут

не в духовном уровне, а в степени, так сказать «сцепления атомов» данного народа. С этой точки зрения большинство южан могут быть сравнены с газообразными телами...

К сожалению, не только обособляющимся, но всем вообще интеллигентным грузинам сильно не хватает дальновидного племенного патриотизма, продуманного плана действий для доставления своему народу заслуженно-привилегированного положения в Российской империи. Последнее достигается обыкновенно либо с оружием в руках, либо добром; грузины же склонны к третьему, весьма неудачному образу действий: они нередко совершенно зря «дуются», фрондируют – и тем портят свои дела, на радость прочим кавказским конкурентам. А у грузин огромные данные для успеха: они симпатичны русским людям, исповедуют государственную религию, легко приспособляются (при желании) к разным условиям. Они могли бы занимать у нас, если бы хотели, видные места и влиять на общероссийские дела. И вот, не хватает ни выдержки, ни дальновидности...

Всякому, не только относящемуся к этнографической самобытности своей, но даже самому простому хозяйственному или экономическому вопросу, сопряжённому с выборной агитацией, речами, баллотировкой и т.п., грузины склонны придавать острый характер политики.

Очень колоритную, характерную картину представляли собой еще весьма недавно выборы в правления дворянских земельных банков, тифлисского и кутаисского. В шумной борьбе участвовала вся более или менее интеллигентная Грузия. В зрительной зале театра грузинского дворянства произносились речи, за которыми следовал невообразимый гам рукоплесканий, протестующих криков; из лож, занятых экспансивными внучками строгих и чопорных некогда грузинских матрон, сыпались цветы, раздавались истеричные возгласы. Ораторы схватывались порою за оружие, но, к счастью, в ход его не пускали. Ярая вражда, однако, широкой волной разливалась далеко за пределы банковских заседаний и интересов. Особенной непримиримостью отличалась партия «мачабелистов», названных по имени князя И.Г. Мачабели, впоследствии пропавшего без вести. Тут приплеталось и привходило всё: и дамские грешки, и соревнование литераторов, и отголоски старой феодальной вражды между отдельными «ущельями», быть может, именно последний элемент так и обостряло прение по вопросам о «заемщиках», «директорах», «ревизионной комиссии» и т.п. Так или иначе, и вражда и формы борьбы носили истинно-корсиканский характер: у борющихся возникал в голове и неискоренимо утверждался там особый «зайчик», пункт помешательства, искривляющий целое мирозерцание, целую нервную систему, целую жизнь... Устранив, или, по крайней мере, сильно смягчив резкие формы банковской борьбы, русская власть оказала огромную услугу грузинскому обществу, крайне нуждавшемуся в успокоении; необходимо прибавить, что пока грузины посвящали время, средства и силы этим усобицам, гангрена армянской эксплуатации все успешнее разъедала их благосостояние.

Легко можно себе представить, во что обратились бы там земские учреждения! Недаром на их введении настаивает особенно армянская печать. Ревнителям экономического и духовного

порабощения Кавказа – армянам, конечно, весьма желательно, чтоб земские учреждения сделались в Грузии, с одной стороны, ареной усобиц, с другой – очагом обособления, склонного превратить деловое хозяйственное учреждение в маленький парламент, и, наконец, отвлечь внимание грузин от городов, являющихся ключами к экономическому преобладанию, так как именно города, в особенности крупные, создают цену на сельскохозяйственные продукты, являясь значительными рынками для сбыта этих последних и центрами кредита. Прямо удивительно, как грузины падки на армянское подсказывание, не взирая на горький опыт!.. Никогда не забуду одного из многих заседаний дворянского собрания в Тифлисе, посвященных вопросу о земских учреждениях. Ревнителями этих последних выступили «армянствующий армянин», бездарный, но упорный проповедник «армяно-грузинской солидарности» князь Г.М. Туманов, издатель газеты «Новое Обозрение» и полу-армянин по рождению, популярный в армянских финансовых кругах кн. Д.З. Меликов, избранный впоследствии в тифлисские предводители дворянства. Оба весьма «сладко пели» на тему о земстве, и собрание лихорадочно к ним прислушивалось. Единственное трезвое и дельное слово сказал тогда полковник князь Г.И. Орбелиани, проявивший большое знание местных условий и политический ум. Он обратил внимание на то, что между формой учреждений и их содержанием есть существенная разница; если нет серьезных фактических данных для надежды на установление полного между ними соответствия, то учреждение работает плохо, к немалому ущербу для обывателей и к выгоде лишь тех, кто умеет в мутной воде рыбу ловить. «Мы радовались, – продолжал князь, – введению в Тифлисе нового городского положения, а что же потом вышло? Город стал менее благоустроенным, нас, грузин, и русских вытеснили из думы, грузину-рабочему труднее найти кусок хлеба, чем выходцу из Турции, и наша древняя столица перестала быть грузинским городом; нечего сказать, есть чему радоваться! Нет, господа, нам нужен гувернёр! Лучше благоразумно в этом сознаться, чем идти по пути приключений!»..

Прочувствованная, доказательная речь князя Орбелиани была встречена рукоплесканиями, но затем... после других заседаний, собрание высказалось в пользу введения земских учреждений, причем некоторые дворяне потом признавались откровенно, что подали за это голос исключительно из опасения, чтобы их не сочли «нелиберальными». В правительственных сферах проект сочувствия не встретил, к счастью для грузин. Искренние (без задней мысли) сторонники проекта забывали, что земская деятельность есть хозяйственная работа, за которую без надлежащих знаний и практичности браться нельзя; если люди еще не умеют хорошенько организовать сельскохозяйственных союзов взаимопомощи, потребительных обществ и т.д., то какое же у них получилось бы земство, как непроизводительно и тенденциозно возрастало бы самообложение?! Человеку, плохо знающему основные правила арифметики, странно браться за логарифмы: на этой «цифири» его проведёт любой шарлатан! Если в некоторых местностях внутренней России земство сперва хромало, а потом обыватели к нему приспособились, то на окраине с пёстроплеменным населением ожидать этого трудно, особенно там, где торгово-промышленный

класс почти сплошь принадлежит к народности чужеродной и все более порабощающей грузин. Ясно, что порабощение только усилилось бы, если бы ему строго не положить предела посредством ограничительного закона, своевременность которого становится все настоятельнее.

Столь же мало дальновидны представители обособляющейся части грузинской интеллигенции, когда жаждут учреждения в Тифлисе университета или политехникума: ведь они получили бы только «оскребки» от этого блага, которое захватила бы в свои руки армянская плутократия, чтобы сделать из высшего учебного заведения академию армянской интриги.

Свою податливость армянским воздействиям грузины не без основания объясняют тем, что армяне составляют единственную в крае реальную силу, которой сама русская власть не оказывает должного противодействия ни на каком поприще; армянские тузы захватили беспрепятственно в свои руки все жизненные источники: и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой кавказский обыватель поплатился бы жесточайшим образом. С точки зрения преходящей, временной выгоды они правы, но вместе с тем признаются, стало быть, что служат личной выгоде, а не высоким идеалам, как их предки-рыцари. Надо надеяться, кстати, что они недолго будут правы и с точки зрения практической: необходимость противодействия радикальными мерами обармянению Кавказа становится все более настоятельной. С точки зрения русской исторической миссии было бы грехом отдать на съедение единоверный и в массе преданный нам народ; грех был бы вместе с тем и плохой политикой, так как с точки зрения русского государственного дела было бы невыгодно допускать до того, чтобы грузины сделались кондотьерами армянского движения!.. Армяне ведут к этому упорно и систематично, но преуспевают пока лишь по отношению к разорившимся коптителем неба. Грузинский народ им не верит. На церковно-народных праздниках в Мцхете, в Алаверды и Бодби слепые армяне-певцы поют беспрепятственно «грузинские» революционные песни, сочиненные специально армянскими политиканами из банкиров. Народ слушает без внимания, с презрительной улыбкой, как нечто вздорное. А запоёт кто-нибудь красивую лирическую вещь любимого поэта, князя Церетели или Чавчавадзе – и всё востепенится, всё обращается в слух... Для изнервничавшейся интеллигенции армянские тузы издают в Париже на французском языке газету «La Georgie», но и тут не преуспевают: газета ведётся бездарно, занимается мелкими сплетнями и распространением клеветы. В первую минуту общество ею поверхностно заинтересовалось, а теперь о ней никто серьезно не говорит...

Более или менее упорным, хотя, конечно, не особенно опасным очагом грузинского обособления является, по роковому стечению обстоятельств, именно та область местной жизни, которая вместе с тем служит крепчайшим звеном, объединяющим маленькую Грузию с великой Россией. Я говорю о Церкви. Грузинское духовенство не может забыть автокефальности своей Церкви, а в русском духовенстве на Кавказе встречаются недалёковидные люди, не

умеющие отделять религии от политики, а также и недобросовестные «карьеристы в рясе», готовые ради служилого честолюбия потрясти самые основы священного церковного дела в Грузии. Нужно, кстати, сказать, что и само грузинское духовенство зачастую не отличается ни высоким культурным уровнем, ни полезным воздействием на народную массу, среди которой авторитетом почти не пользуется. И это не плод русского режима, а наоборот, результат истощения духовных сил Грузии в конце XVIII века.. Мне самому случалось видеть такую весьма недавнюю официальную переписку: два высоких духовных лица обвиняли друг друга в уголовных преступлениях: А обвинял Б в подговоре наемных убийц, для покушения на его жизнь. Б отвечал гордо, что не нуждается в наемных убийцах, ибо у него много молодых родственников, которые по первому его зову убьют кого угодно.

Родовые счёты в духовенстве, особенно высшем, далеко не отошли в область преданий. При таких условиях ясно, что с точки зрения религии и духовных интересов грузинского народа, наличность русского по происхождению объективно-благожелательного экзарха в крае весьма полезна, безотносительно к каким-либо объединительным политическим задачам, для осуществления которых есть тысячи других способов. Наиболее вдумчивые грузинские патриоты это понимают. Когда грузинское православие напрягало все усилия к тому, чтобы не погибнуть, русская Церковь, под защитой сильной власти, недоступная ни внешним врагам, ни родовым счетам, выдвигала представителей глубокой и спокойной духовной мысли, плоды которой полезны единоверному, истстрадавшемуся народу.

Наряду с этим необходимо, конечно, оберегать грузинский церковный язык и традиционные напевы. Признаюсь, что они всегда производили на меня глубочайшее впечатление: от них веет чарующей мистической древностью; так и кажется, внимая им, что ближе подходишь к временам Христа. Это чувство разделяют многие русские богомольцы-простолюдины, с которыми мне случалось встречаться в грузинских монастырях. Кстати сказать, некоторые грузинские церковные песнопения весьма напоминают наш старинный знаменный напев.

Еще несколько слов о грузинском патриотизме. Когда широкие линии истории и главные основы жизни красноречиво свидетельствуют в пользу тесного русско-грузинского единения, поместный патриотизм может сделаться опасным только в случае, если вся краевая политика поведется неудачно. Подробнее скажу об этом в одной из глав, посвященных вопросу об армянах. При нормальных же условиях поместный патриотизм принесет даже пользу государственному делу, если будет глядеть вперед, а не назад, и если станет на разумную основу экономической заботы о народном благе.

Разумеется, надо отрешиться от фантазий, по поводу которых народ сочинил выражение «раздулся, как Лиахва»; Лиахва – речка близ города Гори, впадающая в Куру, обыкновенно очень мелководная, но в полоую воду широко разливающаяся и причиняющая немалые бедствия. Одной из таких «Лиахв» является претензия на какую-то особую «культурно-историческую миссию» грузин в Абхазии, основанная на том, что абхазское царство было некогда

вассальным владением Грузии (в XII веке!) и что владельцы этого лена, огрузиненные персияне князя Шервашидзе (от Ширван-шах, Ширван-шахидзе) носят фамилию на «дзе» и причисляются к грузинской аристократии. Некоторые духовные лица измышляют при этом фикцию «грузино-абхазской церкви», хотя абхазцы говорят на языке, не имеющем ничего общего с грузинским. Как выразился шутя покойный кавказский лингвист, барон Услар, «абхазцы говорят на таком мудрёном языке, что удивительно, как они сами себя понимают». И вдруг на Абхазию предъявляются культурно-исторические права грузинами, у которых уплывает из рук собственное, кровное земельное достояние!..

Грузину не до фантастического «жиру», а быть бы живу! Надо стремиться, прежде всего, к самодеятельности, – и многие это вполне понимают. Мне случалось слышать искренние пожелания, чтобы в грузинских центрах завелось побольше русских православных купцов, так как это помогло бы и насущно-необходимому росту грузинской буржуазии, и делу церкви, и культурному развитию в экономической области.

В разных местах в Грузии возникают сельскохозяйственные синдикаты, потребительные общества, депо и т.д. Правительство должно бы помочь им, и вообще следовало бы содействовать экономическому возрождению наиболее близкого нам в Закавказье народа.

Последний из типично-грузинских производителей дворянства тифлисской губернии, покойный кн. К.И. Багратион-Мухранский, сказал однажды, что грузины все консерваторы. Эти слова не всеми были поняты, ибо слишком многие непременно хотят, чтобы их считали либералами; но кн. Мухранский в основе прав. Не могу забыть, как в одном кружке передовых говорунов откровенно рассуждали при мне о конституции и всяких формах окраинного обособления. Вдруг, какой-то молодой князь влетел в комнату и сообщил о предстоявшем будто бы приезде Их Величеств на Кавказ. Без уговора, в один миг, заблестели все глаза, сверкнуло вино в бокалах, и хор запел мравалжамиер, – многолетие Царю.

Близко зная изъяны грузинской жизни и недостатки их общественности, о которых я не однократно говорил грузинам открыто на Кавказе, я не могу считать эту многострадальную изнервничавшуюся народность чужой для нас. Веруя в жизненность объединяющих нас культурных основ, засыпанных кучей мусора в глубине народной души, я иду по стопам славянофилов, совпадаю со взглядами таких определенных людей, как Иван Сергеевич Аксаков и Ростислав Фадеев, которые не считали чужим народ, объединяемый с нами в прошлом исторической миссией, славными подвигами. А в настоящее время общностью веры, Царя и отечества.

5.

Армяне.

Полтора века тому назад, – говорил Лебон, – философы, весьма, впрочем, несведущие по части первоначальной истории человека, изменений в его умственной организации и законов наследственности, – бросили в мир идею равенства индивидов и рас. Эта идея, глубочайше неверная, потрясла основы старых обществ, породила самую громадную из революций. Учреждения и

воспитание стали панацеей в глазах современного общества, – и лишь немногие дерзают бороться с идеей, неосновательность которой до очевидности доказывается и современной общественной психологией, и жизнью. Названия вещей меняются в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые. Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как и его анатомические черты.

Наша космополитическая печать, замалчивающая выводы науки в угоду зарубежным вдохновителям и окраинным политикам, всегда поднимает неистовый крик, если кто-нибудь хотя заикнется относительно общих, окрашивающих, типичных отрицательных черт какой-либо народности, кроме русской. Русских можно «анализировать» сколько угодно! Об инородцах же сказать правду – Боже упаси! Кричат, что это мракобесие, человеконенавистничество и т.д. И не только кричат, но и принимают меры, не стесняясь выбором средств. Всем памятна история с «Контрабандистами». Наша общественная и отчасти даже государственная (на окраинах) жизнь богата такими поучительными примерами.

Как в природе есть целые разряды предметов и существ, отличающихся теми или иными резкими характерными чертами, так есть последние и у человеческих племенных групп, получающих и в истории, и у своих соседей-современников соответственную репутацию.

Об армянах издревле сложилось плохое мнение, – и это само собой разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена.

Но, разумеется, в категоричности и огульности таких мнений, образчики которых я приведу ниже, нельзя не усмотреть несправедливости. Во-первых, необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии, невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников, т.е. от тех правящих армянских слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и соплеменных им неповинных простолюдинов. Во-вторых, и среди правящих, несомненно, есть довольно значительный процент людей, в основе не плохих и виновных, главным образом, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной, или, как они говорят (без всякого на то права), национальной идеи.

Честному человеку, сталкивающемуся преимущественно с этими главарями и их наемниками, нетрудно воспылать огульной ненавистью к армянам; при более же внимательном отношении к этому загадочному племени, его историческим судьбам и современному положению, нельзя, однако, не проникнуться и состраданием к армянской народной массе, у которой, несомненно, есть много хороших задатков.

Но чем больше мы будем ей сочувствовать, чем ближе присмотримся к ее положению, тем отвратительными явятся в наших глазах её бездушные соплеменные вожаки, политиканствующие угнетатели и смутьяны.

Мне могут возразить, что армянские правящие классы вышли из среды того же народа, сыны которого, стало быть, являются эмбрионами таких же хищников. Но, во-первых, высшие классы

далеко не всегда являются показателями духовного уровня народа, а во-вторых, исторические и социально-экономические условия, в которые, волею судеб попал армянский народ, способствовали и доселе способствуют поднятию на поверхность и на высоты местной жизни преимущественно худших, наиболее порочных и лукавых представителей этой расы.

6. Историческое прошлое.

Кто такие армяне? Основное их происхождение мало выяснено. История свидетельствует о слиянии с ними сперва во время вавилонского пленения, а затем после разрушения Иерусалима, огромной массы евреев. С антропологической точки зрения они, в большинстве, крайние брахицефалы, т.е. короткоголовые, и наиболее сходны в этом отношении, как видно из исследований Шантра, Эркерта, Пантюхова и др., с горскими евреями и сирохалдеями (айсорами). Английский ученый Бертин считает их людьми одного типа с евреями допалестинского периода.

Профессор Д.Н. Анучин говорит, что армяне племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку). Помимо всего сказанного, далеко не все, причисляющие себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени. Армянский журнал «Мурч» *), говоря о значительной способности армян к ассимилированию других народностей указывал в конце 90-х годов на наличность среди армян довольно большого процента ассимилированных цыган. Знакомство с обоими племенами дает наблюдателю значительный материал для подкрепления выводов указанного журнала. К еще более интересному выводу относительно значительных армянских групп пришёл кавказский антрополог, доктор И.И. Пантюхов. Почтенный учёный воспользовался случаем, когда Тифлис был наводнён полудикими беженцами из Турции, и подверг множество турецких армян антропологическому измерению. Оказалось, что огромная часть этих незваных гостей, по своему физическому складу, - чистокровные курды. Это открывает простор предложению, что некоторые эпизоды армянской резни в Турции явились результатом давнишних семейных счетов между курдскими племенами различной веры.

Весьма интересен также вопрос о закавказской Албании, или, по-армянски, Агвании. Эта страна, в состав которой входили и нынешняя Елисаветпольская губерния, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами не армянского происхождения, получившими христианство от армян. До начала XIX века существовал отдельный агванский или гиндзасарский каталикос, соперничавший с эчмиадзинским и по временам совершенно независимый от последнего. В настоящее время христиане, бывшие некогда паствою агванского каталикоса, считаются армянами и, перемешавшись с ними, усвоили их характер.

Были у армян и невольные, насильственные скрещивания с другими народами. И персидские полчища, и азербайджанские татары, и турки, и грузины, и горцы, очевидно, не церемонились с женщинами народа, давно утратившего государственность и связанные с ней способы гордой, мужественной самозащиты.

При таких условиях ясно, что в жилах у армян есть всякая кровь. Этим и объясняется то обстоятельство, что у народа, трусость которого в Передней Азии вошла в поговорку, выдвигаются по временам талантливые и мужественные полководцы, как яркие исключения на темном фоне: ясно, что в них говорит кровь других, воинственных народов, нормальный же, чистокровный армянин, согласно обще-кавказской поговорке, имеющейся на нескольких местных языках, «боится зайцев». Черта, несомненно, семитическая. Вообще, характерных семитических черт в армянском народе сколько угодно: тут и историческая неспособность к мало-мальски устойчивой государственности, и постепенное исчезновение сколько-нибудь авторитетной родовой аристократии, и давнишний переход к подпольной политике теократического строя, и резкие признаки коллективизма в пользовании поливными землями, доселе наблюдаемые в крестьянской среде (ампа-черекство), и значительная расовая склонность к торговле, ростовщичеству и вообще ненасытному стяжанию. Заносчивость и жестокость по отношению к слабейшим и рабское низкопоклонство перед сильными, наконец, удивительная, феноменальная способность к рекламе и ненасытное тщеславие, – всё это черты еврейские, только у армян они еще грубее и интенсивнее.

Армяне очень не любят, чтобы их сравнивали с евреями, и поручают своим защитникам не упускать случая говорить возможно энергичнее об арийском происхождении гайканского народа. Вероятно, в предвидении таких фактов грузинская поговорка остроумно говорит:

«Только рабу, когда ему это приказано, подобает утверждать, что на дубе растут яблоки».

Таких рабов, увы, в наш век поклонения золотому тельцу найдётся немало среди служилых людей, и публицистов, и даже учёных...

Помимо всего, у нас чрезвычайно распространена неосведомленность относительно Кавказа и его племён, – неосведомленность притом самоуверенная и раздражающая знатоков дела. Вот что написал мне, между прочим, из деревни варшавский заслуженный профессор Д.И. Азаревич, лично мне незнакомый, по поводу недавних статей г. Сыромятникова:

«Не имея под руками библиотеки, я только напомню вам, что на археологическом съезде, в последний раз происходившем в Москве, антропологический отдел, под председательством Вирхова заслушать доклад одного француза (кажется Фигье) о семитизме армян. Труды этого съезда нетрудно найти в Императорской публичной библиотеке, а там отыскать и самый доклад». («Новое Время», 1903 г. № 9708).

Почтенного учёного, который, надеюсь, не сочтёт нескромностью то, что я ссылаюсь на его авторитет, вероятно, смутило легкое отношение к науке со стороны слишком смелых защитников армянства от подозрения в семитизме. Некоторым оправданием для этих последних может служить прямое указание словаря Брокгауза и Ефрона на то, что армяне – «отрасль иранской группы индо-европейского племени». Но вряд ли можно при этом забывать изречение: «все врут календари», с успехом применимое особенно к словарям, издаваемым евреями...

Здесь, кстати, нужно отметить, что армянские меценаты из нефтепромышленников усиленно заботятся о создании совсем особенной истории Армении, о возвеличении этого маленького народа и его героев, начиная со случайных генералов, достойных уважений, и кончая неслучайными контрабандистами всякого рода, достойными... уважения, но с другой стороны. В частности, они не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства паразитическим способом, т. е. попутно набрасывая тень на соседние с ними народности, у которых была история более ясная, несомненная и достойная. Грузин они в области историко-археологической грабят бессовестнейшим образом: сцарапывают грузинские надписи с памятников, захватывают древние православные часовни и опустелые церкви *), сочиняют исторические нелепости и указывают, как на древние армянские владения, на такие области, где каждый камень говорит о прошлом грузинского царства.

Первым наёмником армян в русской литературе был Сенковский, под псевдонимом барона Брамбеуса, писавший в таком духе. Затем армянские «историки» в кавычках, Эмин (История Моисея Хоренского), Худобашев (Обозрение Армении), в более позднее время Ерицов (Кавказская Старина, 1872 г., № 1), вопреки таким красноречивым свидетелям прошлого, как памятники, работали в том же направлении; они, например, пытаются похитить у Грузии исторические права на область Саатбаго, т.е. владения атабека Джакели, нынешний ахалицкий уезд. Всякий кавказец знает, что в этой области, есть ещё несомненные следы пребывания царицы Тамары Великой, что мусульманское население уезда состоит из отуреченных грузин, говорящих по-грузински, и что армяне в большом числе появились там в первой половине XIX столетия, как беглецы из Турции, а не коренные жители.

Профессор-арменист Патканов, тот самый, на цыганское происхождение которого указывает газета «Мурч», также мало стеснялся с фактами, ссылаясь на таких мнимых ученых, как Сенковский, странствующий ботаник Кох и т.п. Грузинский писатель Бакрадзе его своевременно обличил, как следует, но до большей части русского общества эта полемика не дошла; ученик Патканова, г-н Марр не упускает случая отхватить что-нибудь от грузин в пользу армян и все обещает доказать, что замечательная древняя грузинская поэма «Барсова кожа» есть произведение позаимствованное.

Это желательно армянским политикам потому, что у армян нет и не было за все время их существования сколько-нибудь сильного поэтического произведения, т.е. одного из наглядных признаков цветения народного духа. Как ни стараются более усердные, чем даровитые литературные птенцы, вроде г. Юрия Веселовского и ему подобных, убеждать русскую публику в существовании хорошей армянской литературы, дальше лепета они не идут, потому что как не усердствуй, а из ничего только и получится ничего.

Некий г.Эзов, составивший феноменальную по бесцеремонности книгу «Сношения Петра Великого с армянским народом», в которой приписывает, вопреки здравому смыслу, какое-то особенное дипломатическое значение неведомому проходимцу Израиллю Ору или Ориу, пытавшемуся вовлечь Петра Великого в войну с Персией, как

раз во время разгара его борьбы со шведами, - этот г.Эзов черпает отовсюду цитаты, невыгодные для грузин, выходя ради этого далеко за пределы своей задачи. Такие же цитаты тенденциозно подсовываются читателю в филантропическом сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», с эпиграфом из Гладстона: «доброта, доброта и... доброта!» Получилась доброта довольно ядовитая, в армянском стиле.

Очень интересную брошюру («Армянские мудрецы и вопиющие камни») посвятил этой лжи, всем этим историко-археологическим посягательствам и хищениям армян известный грузинский поэт и публицист, князь Илья Чавчавадзе. Эта брошюра переведена на русский язык и богата характерными фактами.

В Тифлисе, когда говорят о грузино-армянских междуплеменных отношениях, вспоминают корреспондента «Temps», некоего Кутули. Едва приехал он в Тифлис, как его захватил хитрый горбун, талантливый политический агитатор Арцуни, редактор-издатель газеты «Мшак». Начали армянские богачи ублажать и закармливать Кутули, ни на шаг не отпуская его от себя. Он совершенно утратил способность смотреть на окружающее собственными глазами. Дошло до того, что всех красивых женщин, встречаемых на пути, ему выдавали за армянок, а всех уродливых - за грузинок. Получился такой комизм, что даже грузины, у которых историко-археологическое самолюбие чрезвычайно обострено, не в силах были сердиться, читая путевые впечатления доверчивого или податливого француза.

Чрезвычайно забавно было видеть, еще весьма недавно, как армянские политиканы и «делатели истории» пытались совратить французского ученого, барона де-Бай, много писавшего о России, и как они были удивлены неудачей. Он посетил, между прочим, Эчмиадзин, столицу армянского каталикоса, где ему показывали какие-то необычайно древние вещи, какие-то короны, чаши, расшитый покров и т.д. Опытный археолог сразу заметил крайнюю неточность приведенных армянами хронологических данных и не без юмора высказал это печатно. Оказалось, между прочим, что кое-какие мнимо-древние узоры относятся к упадку стиля рококо. Бешенство местных армянских газет, печатавшихся русскими буквами, дошло до неприличия.

Болезненное самолюбие и тщеславие армян и склонность их рекламировать своё величие в прошлом и настоящем - объясняются и отчасти оправдываются тем, что они в течение веков стяжали себе плохую репутацию, от которой хотели бы избавиться.

Беспристрастный, гуманный и нравственный Тацит, умеющий хвалить врагов Рима, германцев, говорит об армянах во 2-ой книге *Ab excessu Augusti*, в параграфе 53, нижеследующее: *Ambigua gens ea antiquitus hominum ingeniis et situ terrarum*, - этот искони двуличный народ, как по характеру, так и по географическому положению; *saepius discordes sunt, adversus Romanos odi* o et in Parthum *invidia*, т.е. беспрестанно разрываются ненавистью к римлянам и завистью к парфянам. В книге 12, в параграфе 46, он указывает на «достаточно известное вероломство армян», *satis cognitam Armeniorum perfidiam*.

«Ты трус, ты раб, ты армянин!» - говорит Пушкин устами старого горца. Грузинский народ говорит: «мовида сомехи -

мойтана схва мехи», - пришел армянин и принес новую беду. По поводу вытеснения грузинских дворян армянскими торговцами и затем пиджачниками сложился целый ряд народных пословиц: «породистые кони перемерли, - ишакам осталось раздолье», «чужая курица прогоняла из дому курицу домашнюю» и т.п. Закавказские татары говорят: «зажги свои десять пальцев, как свечи, чтобы осветить дорогу армянину, и он тебе спасибо не скажет». Русский народ давно склонен называть армян именами уничижительными, связывая с ними то признание, то насмешку. Некрасов, поэт передовой и гуманный, говорит:

Жениху	с	солидным	чином
Отказалась,			осердясь,
И	с	каким-то	армянином
Обвенчалась,		не	спросясь.

Не менее гуманный Жемчужников (в Козьме Пруткове) поёт так:

На	узкой	кровати
Лежу	я	один,
В	соседней	палате
Кричит		армянин.

Слово «кричит» чрезвычайно типичное: они именно склонны кричать по всякому поводу. Не пустят их в чужой дом, или раскроют какие-либо их шашни, или отдадут под суд воришек из ихней среды, - и они не только кричат, но заставляют кричать иноплеменников, глупых или продажных людей.

Наша беспристрастная беллетристика тоже неблагоприятно относится к армянам. У Лескова, в «Соборянах», имеется, например, шантажист с сильно развитым тазом, - Термосесов.

Франция и Германия, где есть и армянские революционные кружки, и где на деньги бакинских нефтепромышленников ведется усиленная агитация в пользу армян, люди мало-мальски знакомые с вопросом, и притом беспристрастные, поднимают голос против этих последних. Французский путешественник по Армении, Курдистану и Месопотамии, граф де Шоле, с большим знанием дела рисуя жизнь этих турецких провинций и негодующий на бесчеловечное отношение мусульман к армянской народной массе, говорит об армянах: «и, тем не менее, не взирая на огромное сострадание, которое порождали во мне их бедность и их мучения, мне никогда не удавалось привязаться к ним, так отвратительно их плутовство, так постыдна их низость и возмутительна их подлость».

Немецкий путешественник Альфред Кёрте, в своих «Анатолийских эскизах», которые посвящены им известному германскому деятелю в Турции, Кольмару фон-дер-Гольцу, и в которых автор, стало быть, не решился бы говорить на ветер, высказывает следующее: «почти каждый, кто в этих провинциях соприкасается с ядром народа, научается уважать и любить турок, низко ставить греков и ненавидеть и презирать армян... Везде оправдывается пословица, что грек обманет двух евреев, а армянин двух греков. Можно наверняка сказать, что если вас в Анатолии где-нибудь обманут, - то, значит, вы имели дело с армянами». Тот же автор приводит слова

крупного подрядчика в Эски-Шехире: «когда я условливаюсь относительно дела с турком, то обхожусь без письменного контракта, – ибо его слова достаточно. С греком или иным левантинцем я заключаю письменное условие, ибо с ними это нужно и полезно; с армянами же я и на письме никаких дел не веду, потому что от их лживости и интриг не ограждает даже письменное условие».

Строго говоря, интеллигентные армяне давным-давно сознают, что репутация у их племенного имени – нелестная. Недаром они еще весьма недавно старались выдавать себя перед людьми, незнакомыми с Кавказом, за грузин, а иногда, для пущей поэзии, за «черкесов». Доселе и они, и публицисты, сочувственно к ним относящиеся, склонны, где только возможно, заменять слово «армянин» словами «туземец», «кавказец», и, в особенности «христианин». Это напирание на «христианство» весьма характерно, как потому, что армяне не прочь поживиться насчет своих соседей-мусульман, так и потому, что название «христианин» даёт им положение привилегированное, и очень им удобно в тех случаях, когда невольно напрашивается сравнение их с евреями. А еврейских черт у них столько, что если бы все учёные мира ошибочно признали их арийцами, сама жизнь возмутилась бы против такого определения...

Как бы ни была неточна писаная история Армении, в ней есть много характерного и поучительного, как в большой бесцеремонности тона повествователей, так и в самих фактах. Начиная с каталикоса Иоанна VI («История Армении с начала мира до 925 года», перевод на французский язык Сен-Мартена) и до позднейших времен, армянские историки претендуют на точность сведений, относящихся именно к сказочному периоду. Армяне происходят, мол, от Ноя; его правнуком и внуком Иафета был мифический Гайк. По словам армянского архиепископа Иосифа, посвятившего свою книгу императору Павлу I, – достовернейшее повествование о родословии праотцев армянского племени гласит так: Ной родил Афета, Афет родил Гомера, Гомер родил Тираса, Тирас родил Торкома, Торком родил Гайка, который обще с Немвродом предпринял Вавилонское столпотворение. Поелику же не хотел он признать над собой верховной власти Немврода, то, оставя предприятие оное, возвратился в свою землю, за что от Немврода нанесена ему была война, на которой Гайк победил и убил Немврода. Почему народы, повинующиеся Гайку, почитая его за отца своего и государя, стали называть себя от имени его Гайканами». Затем идёт целый ряд столь же правдоподобных и доказанных фактов. Страницы пестреют «великими» именами, незнакомыми никаким историкам, кроме армянской, да порою появляются в сильно увеличенном виде фигуры менее сомнительного происхождения.

Если бы, кроме слова «измышление», понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя было бы избежать слова «измена». Сомнительные властители Армении, страны с постоянно колеблющимися границами, всегда зависят от сильных соседних монархий и всегда систематически изменяют им. Знатные люди (нахарары) изменяют царям, народ – и тем и другим. Жестокость нравов и ненадежность взаимных отношений –

феноменальные. Стоит персиянам, римлянам, арабам назначить кого-нибудь правителем Армении, чтобы немедленно этот правитель начал готовиться к возмущению.

В собственной Армении, т.е. на армянском плоскогорье, сколько-нибудь независимое царство было упразднено довольно-таки давно, в пятом веке, когда Армения стала открыто персидской провинцией и фактически, как власть ближайшая и организованная, над армянским народом воцарилась теократия с каталикосом во главе. С тех пор не менее наглядно армянские заправилы, так сказать, торгуют на две лавочки: продают отечество и народ то персам и затем мусульманам вообще, то Византии, исподтишка ведут свою линию борьбы за племенную самобытность.

Некоторый призрак государственности возник в конце XI века в маленькой Киликии и окончательно рассеялся в 1375 году.

7. Переход к теократии и монофизитство.

Первое упоминание о христианстве (кн. Абгар Эдесский) среди армян, в виду племенной близости их с евреями, встречается очень рано, в 1-ом веке нашей эры, но формальное, хотя весьма сомнительное по существу, введение христианства относится к 301 году: св. Григорий Просветитель обратил царя Трдата, который крестил своих подданных и вскоре затем внезапно умер: предполагают, что он был отравлен новыми христианами. Библия на армянском языке появляется только в V веке, перевод Месропа. Истинным христианам и руководителям церкви жилось в Армении тяжело; например, каталикос Нерсес Великий, в конце IV века, вёл, впрочем, не во имя христианских идеалов, а с целью основать теократию, яркую и в основе недостойную борьбу с царем и, по некоторым сведениям, кончил неестественной смертью. Царь Тигран II заставлял армян поклоняться изображению Юлиана Отступника.

Особый интерес представляет собой момент отпадения армян от православия. Оно истекало из теократических стремлений, соображений материальных и политических, подготовлялось давно, но оформилось и нашло себе догматические придирки лишь в VI веке, когда армяне, в угоду персидскому царю Хозрою, окончательно отвергли формулу Халкидонского собора и примкнули к монофизитам. Персиянам это было нужно, чтобы внести рознь в христианский мир и ослабить Византию. Такое же стремление проявили арабы, пускавшие в ход и угрозы, и деньги, т.е. средства, перед которыми потомки Гайка устоять не могли. Армяне, с одной стороны, вступили ценою измены вере на путь рабского отношения к иноверным властителям, с другой – упрочили особый тип подпольного государства, отвечавшего их семитическим инстинктам, а именно теократию, в которой политические и материальные интересы имеют особо важное значение, в ущерб религиозным.

Такая ликвидация открытой государственности, требующей и мужества, и верности, и умения добровольно, с доброй целью дисциплинироваться, и жертв материальными благами и кровью, очевидно, не может служить патентом на благородство для расы. Но следует признать, однако, что внешние условия были уж очень тяжелы, и открытая борьба с соседями была бы слишком неравной,

так что к борьбе рабьей пришлось перейти невольно. С другой стороны, переход к теократии был, несомненно, актом практически-мудрым, так как именно теократия сохранила самобытность армянской расы и проявила необычайную способность возрождения этой самобытности там, где эта последняя, казалось, уже уснула навеки.

Сквозь всю дальнейшую историю армян, полную унижений перед крупными и мелкими иноверными властителями, проходит еле заметной струйкой и никогда не иссякает надежда на возрождение армянского народа и государства.

Разумеется, мечтает об этом не народная масса, а единичные патриоты, преимущественно лица духовные, разбогатевшие купцы, нахарары или мелики, попавшие в милость к шахам и султанам. Весьма характерно, что эта надежда разрастается именно по мере территориального роста России, по мере приближения её победоносного стяга к Передней Азии.

Сношения армян с русским правительством довольно пестры. Пётр Великий, глубоко понимавший значение русской исторической миссии на Ближнем Востоке, разумеется, ничего не имел бы против того, чтобы люди, считавшиеся христианами, восставали против своих мусульманских владык, врагов православия и русско-славянского дела. Поэтому он упомянутому выше авантюристу Израилю Арию высказываться дал; но на удочку его царь, однако, не поддался. Великий Император велел словесно объявить армянским посланцам, что «ныне занят Свойской войною», и вовлечь себя в авантюру не дал. На просьбу же Израиля Ария разрешить ему быть в этой войне при русских войсках государь велел отвечать, что «ему таимо быть не для чего».

Любопытно, что из монархинь XVIII века Анна Иоанновна (вероятно, на основании сведений, полученных от Волынского, близко знавшего армян), относилась к последним недоверчиво, хотя и вела христианскую политику, так как ее полководцы побеждали мусульман. Екатерина II, наоборот, дошла до крайних пределов благоволения к армянам, что объясняется, быть может, царившим при ее дворе растлением нравов и чрезвычайной роскошью. Немудрено, если находились царедворцы, получавшие «пешкеши» от армянских торговцев дорогими товарами. Кроме того, «великолепный князь Тавриды» был, несомненно, человеком с фантазией, и его забавляла мысль о возрождении христианского царства на армянском плоскогорье.

В царствование Императрицы Екатерины у армян проявился человек, во многих отношениях замечательный, с неукротимой энергией и большой политической предприимчивостью, доходившей порой до назойливости. Это был архиепископ Иосиф, происходивший из старинного, давно огрузиненного по культуре армянского рода, получившего от грузинских царей княжеское достоинство. Он носил фамилию Аргуташвили-Мхагрдзели, в буквальном переводе означающую Аргутов-Плечистый, но затем переведённую «с фантазией» и вошедшую в русский обиход под именем «Аргутинский-Долгорукий». С рюриковичами Долгорукими у этой фамилии, конечно, нет ничего общего. Упомянутый архиепископ Иосиф в 1779 году основал Нахичевань-на-Дону, армянский город, населенный выходцами из Крыма и Турции, в числе 15 000 человек. Переселенцам были даны

недурненькие льготы: перевозка за счет казны из Крыма всей недвижимости, 12 000 десятин выгонной земли, освобождение на 10 лет от всех повинностей, свобода от постоев и рекрутчины: каждому домохозяину отведено по 30 десятин земли, лес и припасы на постройку даны безденежно, а семена, скот и инвентарь – с возвратом через 10 лет. Обо всем изложенном имеются точные сведения в полном собрании законов.

При царе грузинском Ираклии II, благодаря хлопотам того же Аргутинского, стремившегося пробуждать армянское самосознание, в Грузии были водворены кое-какие карабахские мелики с подвластными им крестьянами и образовали селение Шулаверы. Два мелика, Меджнун и Або, поторопились предать своего нового владыку и явились шпионами-проводниками персидского шаха Ага-Магомед-Хана, разрушившего Тифлис в 1795 году. Последнее признает природный армянин, генерал-лейтенант С.О. Кишмишев. Профессор – Санкт-Петербургского университета А.А. Цагарели основательно замечает, что в конце XVIII века архиепископ Иосиф проявлял большую энергию, «но только в направлении, несогласном с видами и планами русского правительства!». Подтверждение этого вывода можно найти и у академика Н.Ф.Дубровина, который говорит, что летом 1796 года армянский архиепископ Иосиф вздумал вмешаться в дела покоренного дербентского ханства, не упускал случая придирается к мусульманам, старался унижить последних пред армянами, – словом, в самое короткое время своего пребывания в Дербенте, восстановил против себя все население. Граф Зубов вызвал Иосифа в главную квартиру, но и там пришлось принять меры, чтобы ограничить политиканство архипастыря. Войдя в сношение с эчмиадзинским патриархом и не испрашивая ничего позволения, Иосиф написал вместе с ним «коллективное послание к армянам, жившим в Карабаге и других местах Закавказья»; в этом манифесте говорилось, что русские войска вступили в Персию с главным намерением «освободить армян от ига мусульман и сделать их независимыми». Это послание произвело всеобщее волнение среди жителей Закавказья: армяне мечтали о восстановлении царства Великой Армении.

Современник названного архиепископа, П. Г. Бутков свидетельствует о чрезвычайном честолюбии Иосифа, который собирался, будто бы, сделать царем Армении своего племянника и приготовил даже царскую корону. Еще будучи в России, Аргутинский-Долгорукий, собираясь воссесть на патриарший эчмиадзинский престол, заказал свой гравированный портрет в патриаршем одеянии.

Очень интересный момент политической истории армянской церкви описан в брошюре «Начало сношений эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством», принадлежащей перу упомянутого выше г. Эзова, которого нельзя заподозрить в критическом или, хотя бы, беспристрастном отношении к армянам, считающим его одним из главных своих руководителей и апологетов. В конце XVIII века, вопреки принципу всенародного избрания эчмадзинского каталикоса, на эту кафедру воссел архиепископ Гукас (Лука), избранный только эчмадзинским духовенством. Константинопольский армянин патриарх Захария запротестовал. Гукас писал ему нежные послания, а тем временем

константинопольская армянская община выхлопотала у турецкого правительства смещение Захарии. Торопливость Гукаса, которого г. Эзов хвалит до небес, объясняется-де тем, что понадобилось избежать избрания на эчмадзинский престол Израэля, патриарха агванского (гандзасарский монастырь близ гор. Шуши). Речь шла о том, чтобы нанести удар обособлявшемуся агванскому патриархату и установить теократическое единодержавие. В этом по неосведомленности или продажности действовавших служилых людей, его поддержали и турецкое, и русское правительства с трогательным единодушием, хотя интересы их были противоположны. Наш посланник в Константинополе Томара сочувственно доносил правительству в 1801 году, что Гукас стремился «восстановить свою нацию помощью России». Агванский патриархат, в угоду зарубежному католикосу, был сперва крайне стеснен, а затем, по присоединении Карабаха и Ганжи к России, незаметно упразднен. Оказалось, что наши политики менее дальновидны, чем даже турки, догадавшиеся в своих пределах поддержать независимость патриархатов Сисского и Ахтамарского от «католикоса всех армян».

В момент присоединения Грузии армянское духовенство стремилось показать, что армяне тут играют какую-то особенно выдающуюся роль, и что главная суть именно в армянах. Так как монофизитство армян было неизвестно образованным русским иерархам, а Россия спасла и приняла на свое лоно Грузию, как царство единое, то архиепископ Иосиф позаботился о распространении возможно более благоприятных сведений об армяно-григорианстве. В 1799 году вышла в М.-Петербурге книга «Исповедание христианския веры армянский Церкви», Иосифа архиепископа армянского народа, обитающего в России. На странице 14-й сказано о Христе: «едино Лице, един вид, и соединен в едином естестве»; на 50-й странице Иосиф говорит, что естество здесь равняется понятию лица. Но тогда к чему же было приводить два равнозначащие понятия? Ясно, что это делалось из желания скрыть монофизитство армян. Разумеется, он тщательно умолчал о католикосе Иоанне IV Отцнийском, прозванном «философом» и причтенном григорианской церковью к лику святых. В угоду мусульманам-арабам и за приличное от них вознаграждение, этот иерарх созвал собор, на котором подверг анафеме Хакидонский собор и произнес еще следующие решения: «Кто говорит, что Христос был человеком по природе, и творением тленным по плоти, и подверженным страданию, и смертным по природе человеческой, анафема да будет; кто не исповедует Христа единым бессмертным естеством, анафема да будет».

Видя, что все это компрометирует армянскую церковь в глазах православных, в XIII веке армянский историк Киракос, а в позднейшее время упомянутый Иосиф и католикос Нерсес пытались скрыть монофизитство армян.

Интересно разоблачают все эти махинации проф. Спб. Духовной академии Роицкий «Изложение веры армянския» 1877 г. и г. Аннинский «История армянской церкви», Кишинев, 1900 г.

Архиепископ Иосиф, впрочем, напрасно так беспокоился об этом вопросе. В ту пору наша бюрократия мало заботилась о православии и еще менее понимала в нем толку. Армянское дело в русских пределах с той поры продолжало расти неуклонно, по временам

двигаясь вперед крупными скачками. По туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмадзин и каталикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Православну. Грузинскую автокефальную Церковь мы своевременно упразднили и земли ее отобрали в казну, а наряду с этим, в русских пределах оказалось теократическое государство в государстве, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые перешли в Закавказье в числе, примерно, 40 000 душ. Эчмадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы получили более 10 000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70 000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло непрерывно, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет широким, стремительным потоком. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую поговорку: «купив соб і б іду, тай за свои гроши».

Разумеется, и Иосиф Аргутинский, и каталикос Нерсес, сидевший на патриаршем престоле с 1843 по 1857 год, были колоссами армянской идеи, по сравнению с прочими соплеменниками своими. Созидательная с армянской точки зрения деятельность Нерсеса, в бытность его архиепископом, в Тифлисе и Кишиневе, прямо огромна.

8. Племенная обособленность и экономическое владычество.

Масса армянского населения, пожалуй, подумывала в Турции и Персии об автономии; перейдя же в пределы могущественной России и притом в Закавказье, довольно рационально тогда управлявшееся, армянский народ первое время не поддавался нелепым бредням. Он отдыхал от тяжких испытаний, богател и незаметно подготавливал для себя сперва экономическую почву. Бунтовать же, например, при Ермолове, было бы не очень удобно.

В изданном по Высочайшему повелению «Обзрении российских владений за Кавказом» (Спб. 1836) на стр. 197-199 говорится следующее: «Армяне, подобно Моисееву народу, должны были рассеяться по лицу земли, собирая богатства, коими, под бременем своих властелинов, не могли наслаждаться в земле своей. От этого произошла причина бесхарактерности армянина: он стал космополитом; его отчизной сделалась та страна, где с большей себе выгодой и безопасностью может он употребить изворотливый свой ум для прибыли. Но и в этом отношении заметна некоторым образом робость его духа; нужны слишком явные, слишком положительные выгоды для побуждения армянина к предпринятию важного какого-либо торгового оборота. Да и в таком случае нередко страх потерять приобретенное уже бывает причиной неуспеха в начатом деле. Все это могло произойти частью от утеснительного состояния, в каком находились они при азиатском

правлении, ибо богатство подвергало иногда жизнь опасности, или, по крайней мере, надлежало тщательно скрывать приобретаемое. Хитрость, лукавство – необходимые качества непросвещенных, а тем более торговых народов, – свойственны армянам: всякий обман считается ими дозволенным в покупке и продаже, всякая мера для приобретения – законной. Они овладели торговлей Тифлиса и всего Закавказья; исполняют всякого рода поручения, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комиссариатских и провиантских там комиссий. Они – переводчики, докладчики, факторы; словом, где есть возможность получать прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть – первый движитель всех их помышлений и поступков».

Эта характеристика и по сие время верна, за исключением указания на космополитизм. С 30-х годов много воды утекло и армянское племенное обособление развилось с чрезвычайной быстротой, при помощи духовных и светских патриотов, быстрого обогащения и беспрепятственного пользования богатством, а также отсутствия дальновидности у целого ряда русских правителей, которых армянские вожаки умели, посредством веских, а, по кавказским преданиям, иногда и вещественных аргументов, убеждать в своей непоколебимой преданности и верности России. Последнее, кстати, как будто подтверждалось во время каждой войны, когда армяне служили шпионами против турок и персиян; доказательство мало надежное, ибо в самом ремесле шпиона содержится основание для недоверия к его носителю.

Весьма характерно замечание автора «Обозрения» относительно робости духа армян, даже в области промышленности. Князь Воронцов почти силой навязывал им выгодные предприятия, положившие начало огромным состояниям. В их обогащении, с первых же дней и до сего времени, двигателем является начало паразитическое, а не созидательное. В немецкой экономической литературе это называется *Conjuncturgewinn*, т.е. барышем, получаемым от особенного сцепления условий, случайных или искусственных. На изощрение техники такого пенкоснимания, на опутывание местных властей и иноплеменного населения были в первой половине XIX столетия направлены все силы армянской буржуазии.

То, что автор «Обозрения» называет «бесхарактерностью» армян, точнее называть умение по внешности ассимилироваться, воспринимать чужие имена, одежды и обычаи. В Грузии масса армян приняла фамилии с окончанием на «швили», в мусульманских провинциях появились Юсуф-беки, Кара-беки, Ибрагим-ханы и тому подобные прикрытые армяне; в России появились не только имена с армянским корнем и русским окончанием, но даже Красильниковы, Сапожниковы, Лисицыны, Сергеевы, Поповы. В Астрахани был отъявленный ростовщик армянин с очень русской фамилией, прозванный «красным кушаком». Его потомки пролезли во дворянство и в такие круги, где их никто не ожидал...

Ассимиляция, как впоследствии оказалось, была весьма поверхностной и временной. Армянство держало за пазухой камень обособления, и этот камень рос, сперва незаметно, а за вторую половину XIX века – с наглядной, головокружительной быстротой.

Идею обособления подсказывали армянам и англичане, которые с

самого начала нашей кавказской войны стремились подзадоривать все местные племена к восстанию против России, и поляки, двумя, если можно так выразиться, вспрыскиваниями, в 30-х и 60-х годах, за позднейшее время немцы, и, наконец, сами же армяне, приходившие из зарубежных стран. Среди таких армян выделились две семьи особенно «ядовитых». Первая отличалась клерикально-сепаратистским направлением, а вторая поставила сепаратизм на почву буржуазно-либеральную, иногда с радикальным оттенком. Каждая война России с соседними восточными государствами увеличивала с одной стороны численность армян, и притом элементами, выработавшими в себе инстинктивную склонность к крамоле в хаотических азиатских деспотиях; с другой - война чрезвычайно обогащала их промышленный класс. Поставщики, шпионы, мародеры сильно наживались, а цены на все необходимые продукты быстро возрастали, под предлогом войны, и затем оставались на этом ненормальном уровне. Еще Погодин, посетивший Закавказье при кн. Барятинском, отмечает чрезвычайную дороговизну жизни, очевидно искусственную.

Наместничество немало также послужило подъему экономического могущества и племенному обособлению армян. Эта, безусловно, отжившая ныне для Кавказа форма управления, в указанный исторический период имела свое разумное основание, но у нее уже тогда были также и темные стороны. Так, например, наместник князь Воронцов, задавшись «европеизацией» кавказских народностей повел их путем сильного повышения потребностей, подъема роскоши и шумной общности. Элементы, экономически не подготовленные, стали разоряться, а хищные, т.е. представители армянской буржуазии, - сильно богатеть на костях тщеславной знати, летевшей на огонь новых приманок. При первом же наместнике образовалось нечто вроде двора и хотя «придворными» были, главным образом, представители родовитой знати, но их денежная зависимость от армянских богачей приводила к тому, что эти последние были фактически влиятельными людьми, далеко не всегда с ведома начальников края.

Против краевого обособления можно было бы значительно раньше принять меры, умело насаждая русскую экономическую силу и, главное, соединив Закавказье возможно более кратким железным путем с остальной Россией. Но именно этого-то и не было сделано, как я имел случай отметить в предыдущих главах. Вместо этого была проведена Закавказская железная дорога, то есть, организовано обособленное экономическое кровообращение обширного края. У нас принято смотреть на железные дороги, как на фактор прогресса и обогащения вообще. Это взгляд совершенно неверный и, должно быть, придуманный заинтересованными лицами и без должного понимания повторяемый прочими обывателями. Железная дорога есть орудие, всецело служащее тому, кто экономически сильнее других, обостряющее и ускоряющее развязку неравной борьбы между сильным и слабым, между стачкой и разрозненными обывателями. Закавказская дорога явилась преимущественно орудием быстрой хищнической эксплуатации всего населения страны армянской буржуазией, так же точно, как и банки, и многое другое...

Обширный район экономического воздействия своего властители охотно начинают, при таких условиях, принимать за будущую свою

политическую территорию, тем более что вся история Передней Азии богата фактами, склоняющими к такой «мечтательности». Да и как не мечтать людям, быстро разбогатевшим темными путями без созидательного труда и видящим в течение нескольких десятилетий, что им все позволено, все сходит с рук! Система подкупа организована, печать местная и столичная к услугам. Петербург, в лице честных представителей власти, неосведомлен... Странно было бы не мечтать»!..

Мусульмане, жители завоеванных областей, спрашивают не без горькой иронии. - «Где же русские? Для кого же они нас завоевали? Во всяком случае, не для себя. Мы видели храбрых русских солдат, а теперь видим только слабых и корыстных российских чиновников, зачастую нерусских по происхождению. Ни ваших купцов, ни ваших хлебопашцев здесь не видно! Все армяне, наши вчерашние рабы. Нечего сказать! Стоило воевать, чтобы дать господство таким нехорошим людям!..»

Два факта имели решающее экономическое, и затем политическое значение для закавказских армян и, так сказать, прорвали плотину, сколько-нибудь сдерживавшую их быстрое наступательное движение. Это, во-первых, изъяны реформ 60-х, а во-вторых, развитие нефтепромышленности в бакинском районе.

Первый факт повлек за собой разорение дворянства и упадок его авторитета, прилив в Закавказский край многих русских людей, враждебных русскому строю и увлеченных новыми течениями, от буржуазного либерализма до анархии включительно. Такие люди ни созидать русского дела, ни мешать инородческому обособлению не могли. Правовой порядок, уместный там, где сильно развита гражданственность и самодеятельность всех слоев и категорий населения, вился вопиющей нелепостью в Закавказье, и предал всех и все в руки армян, которые одни обладали чертами характера, необходимыми для победы при буржуазно-правовом строе. Не будет преувеличением сказать, что эти черты развиты в них до уродства. В силу исторической привычки к подпольным организациям, они умеют, почти без уговора, соединяться в кружки, дисциплинироваться, организовывать стачки и маленькие экономические и иные заговоры против всех прочих обывателей. Этой способностью они превосходят евреев, у которых зато гораздо больше творческой фантазии, чем у армян.

Пионерами нефтепромышленности в крае были сперва русские, но скоро и след от них простыл, потому что они не умели прибегать ни к армянским способам обогащения, ни к армянским же способам вытеснения конкурентов, - посредством уголовщины, стачек и интриг в присутственных местах всевозможных ведомств. Состояния в несколько десятков миллионов стали возникать с быстротой головокружительной. Вчерашний амбал, носильщик, нагрузчик с пристани, мелкий приказчик или более или менее заведомый контрабандист, получив от «своих людей» клочок украденной у казны нефтеносной земли, через несколько месяцев мог иногда купить совесть десятков служилых людей, необеспеченных, изолированных, лишенных нравственной и материальной поддержки. Поднялась целая вакханалия, которая с возрастающей силой продолжается до сих пор. Часть тамшнего русского служилого класса давно в

зависимости от армянских богачей. Нет в крае буквально ни одного учреждения, дела и проекты которого оставляли бы абсолютную тайну от армян. Высшее сословие всех местных племен, в лице огромного большинства своих представителей, мотается на вексельных арканах и, так сказать, нравственно, стоит уже на запятках у новых повелителей края. Банки, не исключая государственного, повинуются им же: в учетном комитете местного отделения государственного банка армяне составляют подавляющее большинство и широко этим пользуются. Общество взаимного кредита, главный капитал которого состоит из сравнительно небольших прежних чиновничьих сбережений, систематически служит поддержанию деревенских и городских ростовщиков, опутывающих крепкой сетью все местное население. Вся, теперь без исключения, кавказская печать находится во власти или под влиянием армян.

Несколько русских газет, издаваемых армянами и трогательно солидарных с нашей печатью, конечно, только печатаются русскими буквами и проникнуты ненавистью к созидательным русским началам.

Цензура, которой по закону надо быть объективной в племенном вопросе, нередко более чем наглядно мирволила армянам!

Чтобы не быть голословным в этом указании, приведу несколько примеров. Выше я уже указал, что статья, полная издевательств над одной из древних православных святынь, была пропущена цензурой, а мне не было дозволено в газете «Кавказ» ответить, как следует, на эту мерзость. У меня хранится оттиск статьи, в которой русская женщина призывала своих тифлиссских соотечественниц к бережливости, к отказу от излишней роскоши и сомнительного кредита и советовала беречь служилую честь и достоинство мужей, отцов и братьев. Статья была запрещена, потому что могла бы раздражить местных тузов, которым успешность такой проповеди была бы нехотана. Предлогом к запрещению этой статьи и многих других было недопущение так называемой расовой нетерпимости, хотя об армянах там не было сказано ни слова. Расовая «терпимость» цензуры не помешала ей, однако, разрешить тифлиссскому уличному листку пошлый пасквиль на магометанство. Какой-то местный наемный разбойник пера написал, что Магомета силой толкнули в ад. Написано это было не зря, а с явной целью вызвать беспорядки. На площадях и базарах, в день выхода этого номера, представители армянской черни, как-то сразу осведомленные, дразнили этой статьей местных мусульман. Возбуждение последних дошло до такой степени, что местами люди хватались уже за кинжалы; начальник края был в отъезде, и высшие представители мусульманского духовенства заявили его помощнику, что не отвечают за спокойствие своей паствы.

Только благодаря последнему обстоятельству, цензура дозволила мне дать очень резкую отповедь негодяю, бессмысленно бросавшему в толпу грубые издевательства над чужой верой.

Для характеристики положения вещей добавлю, что автором статьи был деморализованный от бедности грузинский дворянин, прервавший свою «литературную» карьеру тем, что убил человека из засады, не поделив с ним какой-то свиньи. Армяне-плутократы прикармливают таких людей и, так как их интеллигенция к писательству неспособна, то они широко пользуются услугами продажных иноплеменников, в том числе местных и столичных

русских. Указанный герой что-то очень долго был судим, написал в промежутке между инстанциями трогательную статью в «С.-Петербургских Ведомостях», был сослан, но затем, по чьему-то сердобольному ходатайству, помилован и теперь опять получает тифлисскую публику нравственным принципам.

Боюсь отвлечься в сторону и впасть в личные воспоминания, но не могу удержаться от того, чтобы рассказать маленький факт, свидетельствующий о культурном уровне местных, с позволения сказать, писателей, питающихся из армянского корыта. Как-то перед Рождеством задумала группа местных городских учительницу устроить елку для бедных детей и печатно обратилась за пожертвованиями. Казалось, следовало поддержать начинание этих милых, самоотверженных тружениц. Однако, упомянутый выше герой, в угоду каравансарайским купцам, не желавшим жертвовать на это дело, выступил со следующим убийственным возражением: «В основе устройства елки для бедных лежит доброе христианское чувство, но энергия и деньги расходуются, извините за грубость, на глупости. К чему такая трата нерв: не лучше ли было продать его и раздать нищим. Это слова Спасителя весьма уместны в данном случае».

Фельетонист армянствующей газеты приписал Христу слова Иуды. После этого выражение «иудина мораль» вошло в Тифлисе в пословицу.

С армянской печатью творилось нечто невообразимое. Например, газета «Ардзаганк» систематически издевалась над всем русским, о чем я получал лишь отрывочные сведения. Честного переводчика в Тифлисе нельзя достать на вес золота. Наконец, я случайно нашел такого господина, конечно, не из армян, который доставил мне перевод очень щекотливой проповеди его святейшества, католикоса Мкртича I, и кое-какие другие нескромные признания армянского «патриотизма» *). Как только я напечатал эти вещи, взвела не только армянствующая печать, но и цензура. Газеты, печатающиеся русскими буквами, назвали меня traditore, - предателем, как будто я кому-нибудь присягнул никогда не переводить щекотливых вещей, печатающихся в армянских газетах, которые, стало быть, считают себя подпольными?! Цензура же настаивала на неточности помещенного у меня перевода и защищала вообще газету «Ардзаганк».

Впоследствии точность перевода была констатирована компетентным лицом, занимавшим официальное место, газет «Ардзаганк», клерикально-революционное направление которой дошло потом до крайних пределов, была окончательно запрещена через год. Упомянутый же переводчик совершенно исчез с моего горизонта... Он боялся, и не без основания, что его прогонят со службы, хотя служил он в русском правительственном учреждении...

Странно даже говорить такие вещи, а между тем в том, что я скажу, нет преувеличения. Крупное должностное лицо может еще, пожалуй, отстаивать русские интересы от посягательств армян, но маленькому чиновнику прямо небезопасно быть не только активным противником армянской интриги, но даже просто строго-честным служакой, не допускающим беспорядка и злоупотреблений, в которых участвуют армянские тузы. Его непременно оболгут, запачкают ему формуляр, выживут его тем или иным способом, если у него нет сильной поддержки; постараются повлиять на его жену или детей,

скупить его векселя, если таковые есть, лишить его кредита, если таковой нужен. В Тифлисе есть с крикливой роскошью обставленное учреждение, мнимо-культурное и носящее приличествующее случаю имя, но специально основанное с целью вовлекать русских чиновников в склад жизни выше средств, совращать с пути истинного чиновничьих жен и вообще опутывать местное общество под предлогом приятных способов препровождения времени. Оно описано в моей статье тифлиссские нравы «Нор-Какгак» (Новый Город). Пошлость мысли, выцганывание нравственных начал, франтовство, обжорство и «клубничка», союзники армянской политики. Это целая система, и система сложная, сопряженная с шантажом, позорная для русского имени.

В серьезных вопросах хозяева края не останавливаются и перед крайними мерами. Например, смерть честного судебного деятеля, члена тифлиссской судебной палаты Стрельбицкого доселе является неразъясненной (хотя и «разъяснявшейся») печальной загадкой. Он умер нежданно, еще полный сил, во время ведения важного дела. Зато люди податливые «процветают»; есть, например, служилые лица с видным положением, позволяющие себе производить в порядке третейского суда раздел крупных армянских имуществ и получать за это «дары нефтепромышленности».

О прямых злоупотреблениях я уже не говорю: имя им легион. Расхищены десятки тысяч десятин казенной земли, сокрыты сотни вопиющих преступлений, о которых говорил целый край. Люди, заведомо занимавшиеся контрабандой, хищением земель, подлогами и иными преступлениями и нажившие потом миллионы, достигли высочайших, для их репутации и нравственной дикости, званий и почестей; невежды и развратники оказывались покровителями учебных заведений; воры и поднадзорные - влиятельными членами армянских церковных попечительств, заправилами банков, главарями благотворительных обществ.

О том, какую ужасающую картину представляло и доселе представляет собой городское хозяйство, например, тифлиссское, нечего и говорить. Хотя армяне там составляют лишь 40% населения, - дума всецело в их руках. Грузинам, русским, мусульманам доступа туда нет. Ни порядочных мостовых, ни хорошего освещения, ни сносного водоснабжения. В течение многих лет левый берег Куры, населенный русскими, подвергается периодическим наводнениям, дети мрут, как мухи, дома гниют. Начальство пишет, запрашивает, предписывает, а воз и ныне там. Армянские вожаки открыто хвастают, что выживут русских из этой местности. К слову «русский», когда это простолюдин, они весьма обычно прибавляют термин «собака»; интеллигентных, но не влиятельных людей третируют, а своих прислужников держат на ролях илотов, то комичных, то позорных.

Вот факт, обрисовывающий целую картину отношений. Тифлиссский губернский врач, г. Кикодзе, грузин, безукоризненный и мужественный местный деятель, открыл, что на городской бойне не сжигались, а подавались ветеринарным врачом Испандарьяном трихинозные свиные туши в огромном количестве. Рискуя жизнью, несмотря на грозившие ему обнаженные кинжалы заинтересованных лиц, молодой врач поймал с поличным мясника покупателя, обнаружил городской склад заведомо трихинозных туш, и составил

протокол. По расследовании обнаружилось, что это система, практиковавшаяся уже некоторое время; кроме непосредственного виновника, косвенно были замешаны и исполнявший обязанности врачебно-санитарного инспектора и коллеги Испандарьяна по надзору за бойней. Испандарьян лишил себя жизни, думцы всполошились и под разными предложениями, при помощи мнимоблаговидных отговорок и формальностей, чрезвычайно медлили (чуть не год!) рассмотрением вопроса в думе. Тем временем, в лесах Кахетии, как упоминалось в местных газетах, умирали в значительном числе от неизвестной мучительной болезни бедные дровосеки. На состоявшемся, наконец, сильно запоздалом заседании думы по вопросу о трихинах, известие об указанной болезни было поставлено в связь с продажей трихинозных туш на сторону. Известие было встречено возражением, что, стал быть, городу Тифлису не о чем беспокоиться. В конце концов, русский человек, сын заслуженного генерала и присяжный поверенный, гласный думы, некий г. Опочинин, высказал, что, так как главный виновник сам себя наказал, то дело следует предать забвению. Не считаю нескромным назвать этого господина, потому что тогда же, в Тифлисе я резко выразил ему печатано свое возмущение. Слова, впрочем, не помогают там, где «нужно власть употребить»!.. Исправлявший должность санитарного врачебного инспектора был в этой должности утвержден, - и тем дело кончилось.

Сложность армянского вопроса заключается в том, что задачи паразитизма и политиканства между собой тесно переплетены, находятся в органической связи... Во время городских выборов это обнаруживается весьма наглядно. Такой порядок сильно развился при двух очень «патриотичных» армянах, городских головах Матинове и, в особенности, покойном Измайлове, когда армянская политика стала главным двигателем городской жизни. Многие русские и грузины искусственно лишаются возможности участвовать в выборах, частью из-за недоимок по обложению, причем в некоторых случаях в последнюю минуту таким препятствием служили внезапно предъявленные управой недоимки в несколько копеек, частью же потому, что избирателям из не-армян банки грозят взысканием по векселям.

На последнее можно не без основания заметить, что вольно же давать людям себя запутывать. Но дело в том, что в Закавказье всем пасынкам этого края мудрено и не запутаться. Рынок в руках у стачки, жизненные продукты чрезвычайно дороги, а кредит, который был бы нормальным в другой местности, здесь всегда опасен. Вообще, упоминая о нелестном положении русских людей, об их слабости и податливости в известных случаях, считаю нужным оговориться, что даже грехи могут быть вменены им в вину лишь в малой степени. Виноваты не отдельные лица, от которых заведомо нельзя требовать героизма, и даже, строго говоря, не единичные начальники края, которые могут быть преисполнены лучших намерений, но не обладать всеведением и не находить достаточного контингента честных и верных сотрудников. Виновата история края, создавшая особую систему, особый бытовой склад, при котором самые лучшие начинания бескорыстных представителей русской власти дают лишь малые результаты.

Тут целый гордиев узел. Необходима работа многих умов,

работа целого специального учреждения, которая бы выяснила истинное, а не только формально-отчетное положение дел на Кавказе, и исторические его причины: надо, чтобы такое учреждение не было отвлечено тяжкими заботами повседневной жизни, как отвлечена местная власть. Тут ведь и разбои, и землетресения, и необходимость отстаивать в мало-принципиальных и неосведомленных столичных «сферах» те или иные предприятия, подсказанные жизнью; а время идет, времени мало и мало покоя для труда, имеющего свои научные стороны.

Попросту говоря, нужна сенаторская ревизия, причем важно, чтобы такой сенатор был истиннорусским человеком, свободным от сильных влияний, а также предрассудков и фальши буржуазного либерализма; нужна глубокая честность не только сердца, но и ума.

Бог даст, несчастный край дождетя этого. Покуда же надо оценить и то, что за последнее время хоть несколько умерился цинизм хищений и несколько притих задор людей, дерзавших произносить слово «русский» с насмешливой улыбкой, - задор, невыносимый по своей наглости.

Легко можно себе представить, как бесцеремонно обращаются армянские политиканы с другими народностями. Несколько лет тому назад в кахетинском городке Сигнахе православные справляли иордан. Специально, чтобы надругаться над православием, армянские пиджачные интеллигенты наняли невыносимо крикливую зурну и барабан, взобрались на ближайшую к православной иордани колокольню и подняли такой невообразимый шум, что слов богослужения не было слышно. Зурна - такая дудка, звуки которой слышны чуть не за пять верст. Полиция предоставила этим милым людям наскандалить вволю, ибо и уездный начальник, и его помощник в Сигнахе были в ту пору армяне. Скандалистов потом судили и, по обычаю, приговорили к какому-то ничтожному наказанию, и то не самых зачинщиков, а нанятых ими музыкантов.

Упомянув о политиканстве армянской буржуазии, я сделал это совершенно объективно и не хотел преувеличить явления, которое может серьезно разрастись, но может и свестись к более ничтожным формам. Это вопрос будущего, вопрос русского самосознания.

Политические мечтания части армянских тузов и мнимо-интеллигентных людей отлились в более или менее определенные формулы, по-видимому, после польского мятежа 63-го года, а затем нашли поддержку в последующих противоправительственных движениях в России и в заграничных кучках революционеров.

Особую роль сыграл бывший редактор-издатель «Мшака» - Арцруни, ныне умерший, который изобрел для кавказских туземцев, с целью объединения их под армянским руководством, следующие формулы, проводившиеся на более или менее эзоповском языке, даже в русско-армянских изданиях: «соединимтесь против общего врага», т.е. России, и «Кавказ для кавказцев». Русские самоотрицатели, как водится, поддерживали это бесцеремоннейшим образом. Грузины, однако, поняли, в чем дело, и талантливый поэт-юморист кн. Акакий Церетели ответил в прекратившейся ныне газете «Дроэба» на призыв Арцруни следующим стихотворением, которое ныне привожу в переводе В.П. Лебедева впервые, так как оно не могло появиться в «Кавказе», хотя наряду с этим другие

газеты и проповедовали открыто «грузино-армянскую солидарность»... против общего врага. Вот это стихотворение:

К о м а р и м у х а .
Комар-хитрец сказал однажды мухе:
«Сестрица, ведь тебе я друг!
«Ты знаешь, всюду ходят слухи,
«Что нас поймать затеял злой паук?!
Готова западня, готова паутина,
А мы все ссоримся с тобой!..
Давай, сестра, перед борьбой
Соединимся воедино,
Чтобы врагу навстречу полететь
Четко дружной, легкокрылой,
С двойною ловкостью и силой
Порвать губительную сеть!»
Лукавых речь всегда сладка для слуха –
И муха
Все лапки подала в восторге комару:
Отправились искать отважно паутину.
Комар на муху сел... Да, видно, не к добру!
Знать, пить он захотел в воинственном жару. –
И ну сестрицу жалить в спину!
Сестрица терпит; братец пьет да пьет:
Знать, кровопийствовать разбойнику не внове!
И вот, почувствовав, что в теле мало крови
И сил нет двигаться вперед, –
Союзнику взмолилась муха: – «Больно!
Товарищ, ты кусаться брось.
Иль прочь ступай! Я мучилась довольно!
Невмоготу пришлось!»...
«Безумная!» – комар жужжит сурово, –
Ведь мы союзники! Тебе я первый друг!
Смотри, вдали уж виден злой паук
И паутина там готова!»
«Ну хоть бы даже так», – сестра ему в ответ, –
Зато теперь грозит мне смерть такая ж!
Паук еще меня поймает или нет, –
А ты меня наверно доканаешь»...

Такое здоровое понимание дела, конечно, признак хороший, но жизненные условия могут внести и вносят разлад между здоровым пониманием и нелепыми, даже роковыми поступками.

Грузины и карабахские мусульмане на Кавказе иногда говорят, неискренне улыбаясь, что стоит русскому правительству вывести войска из Закавказья, и от армян ни косточки бы не осталось. Уже лет тридцать, как эти слова до смешного далеки от истины. Во-первых, армяне не только экономически поработили всех прочих, но и отчасти завладели политическими тенденциями других обособляющихся народностей; наконец, у них есть уже своя «армия», – сброд из Турции. В частности, этнографическая картина Тифлиса сильно изменилась за последние несколько лет. Так,

например, теперь там трудно встретить мушу (носильщика) из рачинских грузин, - некогда весьма известный и симпатичный тип чернорабочего: теперь все какие-то необычайно разбойничьи рожи в турецких турбанах и башлыках *). Вытеснение простолюдинов русских и грузин неуклонно ведется городским самоуправлением и стачкой плутократов.

9. Правда о турецких зверствах.

Сильное обостряющее значение имели для всего Закавказья, и в частности для армянства, последняя русско-турецкая война и ее политические результаты, отличавшиеся в параграфе Берлинского трактата относительно турецких «христиан». Это произошло не спроста. Еще задолго до войны, Германия обращала свои взоры на Ближний Восток, где, еще будучи молодым офицером, с толком поработал Мольтке. Статья Берлинского трактата о турецких христианах была первым шагом Германии по пути к Багдадской дороге, а с другой стороны, открывшимся вулканом, извержения которого грозят европейскому миру и, в частности, делу России на Ближнем Востоке. Необходимо отметить, что за последние тридцать лет Германия систематично работает над развитием армянского сепаратизма в Закавказье. Много армянских кружков сосредоточено именно в Германии. Между Тифлисом, Берлином, Мюнхеном, нашими балтийскими пангерманистами поддерживаются оживленнейшие сношения, в которых принимали горячее участие и финляндские демагоги. Германские офицеры генерального штаба, под видом археологов, любителей охоты и туристов, значительными группами посещают Закавказье. Характерно также, что интеллигентные армяне, получившие образование в бывшем дерптском университете, проявляют систематичную враждебность к России и что служащие на Кавказе немцы особенно покровительствуют армянам.

В виду приведенных выше условий, после берлинского трактата, у армян начались определенные уже политические мечтания об автономии. Но для автономии не-паразитической и сколько-нибудь прочной требуется более или менее сплошная территория. Как видно из обнародованных в 1897 году документов французского министерства иностранных дел, в Турции данных для такой автономии нет и не было. На стр. 2-й говорится: «Глубокое изучение распределения различных племен дозволяет, однако констатировать, что ни в одном вилайете Турецкой империи армяне не представляют большинства населения». Это наглядно подтверждают добытыми ими статистическими данными на местах кавказские офицеры генерального штаба, генерал Зеленой и полковник Карцев. На стр. 12-й упомянутой книги, в письме г. Камбона, французского посла при турецком дворе, к министру Ганото, говорится, что о независимой Армении нечего и думать и что если бы, вследствие каких-либо невероятных условий, Европа предложила создать Армению, было бы даже почти невозможно указать пределы этого нового государства.

Тот же г. Камбон доносит, что в Турции идет сильная пропаганда армянского восстания, искусственно подготовляемого Англией, и, отчасти, как видно из донесения диарбекирского французского вице-консула от 5-го октября 1894 года, в деле

оказался замешанным и Тифлис. Вот что пишет этот г. Мерие своему начальнику: «Говорят, что движение было подготовлено задолго обществом «Гнчак», управление которого находится в настоящую минуту в Тифлисе, а раньше было в Лондоне и Афинах. Инсургенты-де повинуются приказам этого общества».

Можно добавить, что другая группа армянских революционеров, под именем «Дрошак», т.е. «Знамя» сосредоточилась вокруг газеты того же имени, существующей и доселе. Издается она не в наших пределах, но «дрошакистов» на Кавказе немало.

В целом ряде донесений французского посла, проникнутых глубочайшей симпатией к армянам, как христианам, а также стремлением к серьезным реформам, искренно разделявшимися русской дипломатией, г. Камбон перечисляет целый ряд зверских политических убийств, совершенных членами армянского революционного комитета и их наемниками, отмечает весьма характерный факт, впоследствии мною в некоторой мере проверенный, что главная масса армян не сочувствует революции и лишь единичные кучки турецких армян мало-помалу поддаются угрозам и террору своих вожаков и частью против воли вступают в борьбу. Многие турецкие беглецы-армяне, с которыми мне или моим знакомым приходилось говорить, откровенно признавались, что бежали в Россию не от турок, а от своих же террористов.

В упомянутой книге говорится о массовых беспорядках, затеянных армянами, которые местами сами стали нападать на турок и курдов, чтобы вызвать резню. Перед началом беспорядков и вопиющих зверств в Константинополе, где, как известно, шайка армян ворвалась с динамитными бомбами в «Оттоманский Банк», армянский революционный комитет прямо обращается к г. Камбону с подобием ноты, в которой говорится, что армяне решились произвести «мирную демонстрацию» и комитет, мол, не отвечает за последствия, если полиция вмешается. Во время последовавшей манифестации армяне первые стали убивать полицейских и даже жандармских офицеров. Это-то послужило толчком к ужасающей резне армян, при одной мысли о которой волосы становятся дыбом. Из указанной книги видно, что в значительной мере повод к армянской резне подали сами революционеры своими вызывающими действиями, сознательно к этой цели направленными, что английский посол и консулы всеми силами пытались все это раздуть и усложнить, а русский и французский послы, при всей симпатии к безвинным жертвам интриганов и осатаневших мусульман, проявляли большой политический такт.

Особенно замечательна была гениальная дальновидность незабвенного князя Лобанова-Ростовского, нашего министра иностранных дел, и его железная воля, помешавшая вовлечению России в нелепую войну. Он, кстати сказать, первый пошатнул, но, к сожалению, не вырвал с корнем неосновательный взгляд нашей дипломатии на армянство, как на элемент, дружественный и полезный нам в соседних Персии и особенно в Турции. Он понимал, что русско-турецким отношениям пора вступить в новый фазис, а именно мы должны бы оградить Турцию от иностранной эксплуатации и посторонних вмешательств, а за это мирным путем достигнуть улучшения участи христиан на Востоке, главное, упрочить свое положение на проливах. Странники другого мнения кокетничали с

армянами в Турции, поддерживали озлобление в Ильдоз-Киоске против нас и славянства и вместе с тем косвенно поддерживали гегемонию армянского племени на Кавказе.

Но вернемся к армянским беспорядкам и резне в Турции. Оттоманская Порта вела себя недостойно: правительство явно мирволило участникам резни – мусульманам, частью разделяя их раздражение, частью же, как впоследствии оказалось, создав рациональный с турецкой точки зрения план обмена веществ, т.е. сосредоточения возможно большего сплошного числа мусульманского населения в Передней Азии и истребления или изгнания в Россию армян, заболевших столь острым политическим недугом. Этот план (за исключением давно прекратившейся резни) теперь приводится в исполнение с необычайным, феноменальным успехом.

Всякое явление, особенно ставшее достоянием истории, требует точного определения. Несомненно, что турецкие зверства были ужасны и по существу, да и по размерам. Но несомненно также, что и англо-армянская печать, в лице разных Диллонов и при содействии печати космополитической всех стран, сильно раздувала размеры этого тяжкого бедствия народного, прибавляя нули к десяткам и сотням действительных жертв.

В Закавказье и русские, и армяне одинаково содрогались и возмущались, слушая отголоски предсмертных стонов тысяч людей. Несомненно, однако, также, что слово «религиозный мусульманский фанатизм» произносилось слишком огульно. И греки, и католики, и даже армяно-католики значительно меньше пострадали, чем григориане. Французский консул доносит 25 января 1896 года следующий знаменательный факт о резне в Требизондском вилайете: «Прежде, чем приступить к резне, в селении Гюмюш-Ханэ, мусульмане собрались на площади. Отделили армян от прочих христиан и отвели последних в сторону, чтобы не смешать их с заранее намеченными жертвами». Ясно, что турецкие фанатики боролись с армяно-григорианской и революционно-армянской организацией, грозившей спокойствию и, может быть, целостности их государства. Всякому, кто побывал в Малой Азии или знает, что тут привходит такой же экономически-бытовой фактор беспорядков, с каким мы встречаемся в черте еврейской оседлости; только, к несчастью, турки, и особенно курды, не знают удержу, когда рассвирепеют, и главное, тягчайшее обвинение против них заключается в том, что они дошли до такой массовой резни, не разбирая пола и возраста, а не ограничились истреблением революционных шаек.

Зрелище людей, действительно пострадавших от этого погрома и нашего приют под стягом России, представляет собой нечто надрывающее душу. Особенный трагизм заключался в том, что в значительной мере сами армянские богачи, духовные лица и прочие политиканы предали на гибель и поругание часть меньшей братии своего народа.

Приведу маленькую поэтическую картинку, снятую мной с натуры.

Ш у ш а н и к а .

Картинно прислонясь к узорной двери храма,

С утра до вечера покорно иль упрямо,
Армянка-нищая проводит много дней;
Сидит, недвижимая, как будто изваянье,
Кивая изредка кладущим подаянье
В тарелку медную, лежащую пред ней.

Бедна, оборвана. Полузакрыты веки;
Под ними - взора нет; для нищенки навеки
Все в тьму погружено, погас небесный свет...
Лицо не горестно: по нем порою зыбко
Скользит болезненно-блаженная улыбка...
Улыбка? Почему?!... Она дала ответ:

Зовут меня, ага, счастливой Шушаникой.
Из Вана родом я. К нам для расправы дикой
Нагрязнули враги, нещадней, чем гроза!
Насилье, трупы, кровь!... Живые разбежались...
Я в церкви спряталась... Нашли и надругались
Два курда надо мной, и выжгли мне глаза...

Какая злая боль!... Но легче жить мне стало:
Кого-то мучили, кого, - я не видала!
И что-то рушилось!... Смятенье, крики, стон...
Затишье... Снова шум, и выстрелы, и топот!...
Потом... послышался мне торопливый шепот...
Зовут меня! Идем... и путь - как страшный сон!

Тут - мне велят ползти, там - мчаться, что есть мочи!..
Вот - резкий ветер гор... иль просто холод ночи?
Вот... на веревке я: должно быть крутизна?
Иль хищники меня схватили вновь, быть может?
Нет, мирны голоса!.. Но голод, голод гложет!..
Нет сил! Я падаю... Что это? Тишина?..

Где спутники мои? Где я, и что со мною?!
Вдруг... снова голоса! Какою-то волною

Я снова поднята!.. Крик слышен впереди,
На языке чужом... Везут меня куда-то:
Я слышу скрип арбы, и мерный шаг солдата.
И как-то мне легко, тревоги нет в груди.

Потом... не помню, что!.. Болела, верно, где-то..
И вот, теперь сию, накормлена, одета..
Я знаю: это храм! - И хорошо мне тут:
Я возле Господа, близ милости великой!..
Я назвала себя «счастливой Шушаникой»:
Ведь на моем пути одни цветы цветут!

Недолго видела я близких истязанья,
А здесь зато навек ни злобы, ни страданья,
Ни жадности людской мне видеть не дано!
Шаги... звучат шаги... порой звучит монета...

Я брата-ближнего благодарю за это,
А Господа... за то, что все кругом темно!..

10. Политическая роль церкви и армянская программа.

Храм Божий не обманул надежд многострадальной нищенки; но несомненно, что именно недостатки армянской церковной организации и роковые, ничем не оправдываемые ошибки, чтобы не сказать более, армянской церковно-теократической политики имели и доселе имеют крайне пагубные последствия не только для русского народно-государственного дела в крае, но и для самой армянской народности.

Нельзя не отметить, что подъем армянских манифестаций и беспорядков в Турции и всеобщей нервности армянского племени в русских пределах совпал со вступлением на эчмиадзинский патриарший престол его святейшества католикоса Мрктича I. Еще до приезда в Россию маститый иерарх был в Турции политическим деятелем, горячим армянским патриотом, за что и подвергался гонениям со стороны турецкого правительства.

Вряд ли можно удивляться тому, что на склоне лет и многотрудной деятельности, патриарх перенес свои воззрения, стремления и инстинктивные чувствования в свое новое отечество.

Во время выборов патриарха часть армянской буржуазии и мнимо интеллигентного класса, объединяемая газетой «Мшак», созданною известным Арцуни, стояли в рядах противников Мрктича, во имя соображений буржуазно-либеральных и, может быть, либерально-атеистических. И теперь многие крупные торгаши, банкиры, нефтепромышленники, чувствуя отвращение к клерикализму, после знакомства с европейскими кафешантанами и смокингами, относятся к своему духовному главе без должного почтения и, идя к одинаковой с ним цели племенного обособления, полагают, что дело пошло бы скорее при помощи так называемой социально-экономической эволюции.

Разногласие, в итоге, скорее академическое, чем глубоко жизненное, ибо обе партии спевались и поют всегда, когда даже мелкий случай дает им повод «соединиться против общего врага».

В эчмиадзинской армянской церкви управление не вполне единоличное, а по закону католикос стоит во главе Синода, прокурор которого назначается русским правительством. Эчмиадзинская духовная академия давным-давно уже должна бы руководиться законным уставом, так как срок заменявших его временных правил весьма давно истек. Наконец, компетенция русской власти в делах политических или общеуголовных, разумеется, распространяется также и на Эчмадзин. Между тем, законные требования правительства не всегда исполняются и зачастую даже остаются без ответа, либо вызывают ответ не подобающий. Присяга новобранцев и участников судебных дел, по указу Сената, должна приноситься на русском языке, а политиканствующее духовенство запрещает священникам повиноваться этому. Несколько лет тому назад католикос грозил телеграммой кавказскому начальству, что закроет синод, если не будет удален

неудобный его святейшеству правительственный синодальный чиновник. В ожидании ответа синод был закрыт, а затем после уступки незаконному требованию, открыт новым кондаком.

«Кондаки» вообще применялись весьма своеобразно. Так, например, кондака удостоился издатель революционно-клерикальной газеты «Ардзаганк», запрещенной русским правительством. Титул патриарха – вехапарь, что значит величество; обращение к нему – церт терутянут, что значит ваше правительство. Самые эти эпитеты являются признаками политической теократии, независимой от других властей. Архимандрит член синода Вага и бывший личный секретарь католикоса и ректор академии Нагапетян, за противоправительственную агитацию и другие незаконные действия, были высланы, по Высочайшему повелению, из Закавказья, а затем католикос назначил, без спроса русских властей, одного нахичеванским викарием, а другого управляющим кишиневскими имениями армянской церкви.

Когда была в Турции последняя резня, вызванная деяниями революционеров, русской властью было предложено патриарху сказать отрезвляющее слово, а он, напротив, стал говорить зажигающие проповеди, учредил «ночные бдения» – и проповеди такого же рода помещались в эчмадзинской газете «Арат», за подписью архимандрита Карапета.

Эчмадзин обладает огромнейшими имениями, управление которыми ведется более чем загадочно. В монастырях тщательно скрываются инвентари, списки имущества, ведомости и т.д. Имущества прикупаются и берутся под залог. Так, например, имение некоего г. Шах-Азизова-Камсаракана взято под залог эчмадзинским монастырем. С другой стороны, церковные учреждения широко кредитуются в банках. При таком экономическом хаосе мудрено определить, что идет на дела церкви и что тратится гораздо менее производительно с религиозной точки зрения. Если добавить, что несколько лет тому назад в Эчмадзине, в одной из обителей, приютилась и была открыта шайка подделывателей русских денежных знаков, то туманность экономической картины данного района достигнет своего апогея.

Печальная история армянского народа имела своим результатом значительное смешение религиозных задач церкви со всякими делами мира сего *). Это вредит и делу духовного развития армян и, в итоге, даже нравственному престижу самого католикоса и других иерархов. Когда скончался католикос Макарий, то после него не нашли ни бумаг, ни денег. Существует подозрение, что он умер насильственной смертью. Едва ли не таким же способом перешел в лучший мир архиепископ Иеремия, искренний друг армянского народа, вместе с тем горячо преданный России.

Секуляризация армянских церковных имуществ есть мера, наставительно-необходимая, не только в видах упрочения большого спокойствия среди армян, но главным образом в видах того, чтобы дать возможность армянской церкви выполнять свою священную духовную миссию, не отвлекаясь посторонними делами или мечтаниями. Как мы увидим ниже, армянский народ заброшен в воспитательном отношении своими руководителями, его искусственно портят, отрывая и от правды Божьей, и от благоразумия человеческого.

Тут во многом виновато, между прочим, армянское высшее духовенство. Эчмадзинская академия и нерсесян-семинария, и прочие семинарии так переполнены молодежью, что стены трещат, – а духовенство в подавляющем большинстве состоит из простых и невежественных крестьян.

Истории с переводом армянских церковных школ в ведение нашего министерства народного просвещения я коснусь лишь вкратце. Органами этого последнего было обнаружено, что армянские приходские школы, вопреки наглядному и на каждом шагу выражаемому стремлению армянской народной массы к изучению государственного языка, не только тормозили этот естественный способ развития гражданственности, но даже явились рассадниками самого грубого и фанатического обособления. Не говоря уже о нелепейших учебниках, в которых говорилось о пресловутой Великой Армении и о мировом призвании армян цивилизовать всех своих соседей, – в этих школах распространялись и карты Великой Армении, чуть не до Воронежа, со столицей в Тифлисе *) и всевозможные эмблемы, служившие все той же интриге, которая поддерживалась сперва Англией, а в настоящее время является одним из любимых детищ германизма. Употребляю слово германизм, а не Германия, потому что на Кавказе и русско-подданные немцы, зачастую даже служилые, являются горячими сторонниками и покровителями армянских шашней.

Замечательный местный деятель, бывший попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, неутомимой энергией достиг распоряжения о передаче указанных школ в ведение министерства народного просвещения, с сохранением в них и армянского языка и армянского Закона Божия. Армянское духовенство на это не согласилось и разом закрыло множество школ, предпочитая оставить народ во тьме невежества, лишь бы не дать ему избавиться от искусственного обособления. Среди армянского простонародья буквально «стон стоял», причем агитаторы распространяли заведомую ложь, будто бы школы закрыты не агентами армянской теократии, а русским правительством. Наша мнимо-либеральная печать, среди промышленников которой нашлись и люди, субсидируемые бакинскими нефтяными крезами, усиленно поддерживала эту наглую ложь в неосведомленной русской читающей публике. Кавказскому учебному округу удалось, однако, перевести в свое ведомство целый ряд школ, успешно работающих теперь на новых началах. Со школами перешло в это ведомство и школьное имущество, т.е. и источники содержания школ, и тот инвентарь, которого армянское духовенство не успело скрыть или замотать; здесь, кстати заметить, что операции последнего рода производились скандальнейшим образом, на глазах у целого Тифлиса, где учебное ведомство не нашло достаточной поддержки в деле установления и удержания скрываемого имущества.

Что касается до средств (недвижимых имуществ и капиталов), на которые содержались армянские школы, то здесь изворотливость и сутяжничество местных дельцов поставили учебный округ в немалое затруднение – и на свет Божий всплыло много таких сюрпризов, которых на Кавказе принято ожидать, когда заходит речь о каком бы то ни было армянском имуществе. Заведомо-школьные имущества оказались в значительном числе под этикетками

монастырских и церковных. Посыпались иски, ведомые армянскими тер-терами с бытовой изворотливостью еврейской адвокатуры и с наглостью, достойной сынов «Великой Армении». На Кавказе судебная практика часто благоприятствует армянам: быть может, и впрямь они почти всегда чисты и правы, а может быть, есть тому иные причины, исследование которых могло бы дать много интересных фактов. Дошло до того, что один мировой судья (если не ошибаюсь, темир-хан-шуринский) даже попытался вызвать повесткой в свою камеру самого маститого попечителя учебного округа. Кавказские судебные учреждения, решениями которых за много лет санкционировано было немало захватов казенных земель армянскими хищниками, и в данном вопросе решили изрядное количество дел не в пользу учебного ведомства на Кавказе. Ряд исков был, впрочем, подвергнут остановке, в виду того, что одно из крупных дел о школьном имуществе восходило до Сената. Главный вопрос состоял в том, подлежат ли подобные дела административному или судебному разрешению Сенат высказался в последнем смысле – и теперь заваривается целая каша, весьма бесполезная для русского дела и престижа на Кавказе.

Подобное недоразумение свидетельствует, прежде всего об отсутствии дружного служения на Кавказе различных ведомств единой национальной политике. Иначе на месте возобладал бы взгляд, что вопрос народной школы есть вопрос государственный, а не узко гражданский. Учебное ведомство, при определении принадлежности имущества школам или церквам, нашло бы должную поддержку для точного выяснения всех подробностей, причем этим последним не было бы придано преувеличенного значения, в силу изворотливо-формальных признаков. Эта изворотливость, скорее всего, побудила бы местную власть дать движение давно назревшему и вопиюще-настоятельному вопросу, о секуляризации армянских церковных имуществ. С его разрешением многие мутные волны отрицательных явлений, беспрепятственно разливающихся теперь по Кавказу, вернулись бы в свое естественное русло.

Местные русские люди, с сочувственным вниманием следящие за подъемом интенсивности в работе министерства внутренних дел, ожидают от творческой инициативы этого центрального учреждения благотворных воздействий на расшатанные устои русского дела, обретающегося не в авантаже на этой, слишком далекой от центра и слишком изолгавшейся окраине.

Армянская народная масса жадно стремится к изучению русского языка, который открыл бы ей путь к заработку и настоящей культуре, а вожаки ставят ей преграды, потому, что боятся выпустить ее из сферы своего влияния. Каково это влияние, даже в вопросах второстепенных, можно судить потому, что газета «Мшак», принявшая со всей армянской буржуазией сторону Дрейфуса, имела случай восторгаться распространением такого взгляда, среди полудиких елисаветпольских пахарей-армян. Один из этих сиволапых брюнетов даже назвал своих любимых буйволов именами ближайших участников дела Дрейфуса.

Кстати сказать, в крае, прославленном подвигами кавказской армии, являющейся почти единственным незыблемым и незапятнанным воплощением русского дела в стране, писать против Дрейфуса было, по цензурным условиям, весьма затруднительно, а в армянствующей

и армянской печати, проникшей до самых низших слоев народа, сочинялись целые гимны в честь этого «патриота наизнанку». Довольно значительный кружок тифлисских политиканов, в состав которого входили полуграмотные оборванцы, послал Эмилю Зола следующую телеграмму на русском языке:

«Из страны терзаний Прометея благоговейно преклоняем головы перед тем терновым венцом, который возложила на вас ваша родина, к стыду всего человечества. Терновый венец – лучшая награда самоотверженному борцу за справедливость».

Каравансарайские приказчики, очевидно, с таким же правом считали себя одухотворенными страданием Прометея, с каким газета «Новости» однажды назвала древлеправославный Мцхет и долину серебристой Арагвы «знойной Арменией». Кавказские дрейфусары из армян совпадали в своих тенденциях с некоторыми гражданскими чинами, и когда одного из них, русско-подданного «немца» из крещеных евреев, я спросил, на каком основании он мне «советует» не писать против Дрейфуса, – он отвечал, пожав плечами:

Помилуйте, сам император признал Дрейфуса невиновным!
Какой император?
Вильгельм!

Тут я, при всей своей кротости, рассердился:
– Позвольте! Это может быть ваш император, а не мой ни в каком случае.

Еще два слова о школах. Жаль, во-первых, что вопрос о них, или точнее, об их имуществе разрешался и разрешается донине в порядке судебном, а не административном. Судебная власть связана определенными уставами, – и отклоняться от форм и отвлеченных правовых начал, даже благородно, даже с пользой для общегосударственного дела, она не вправе. То, что иногда торопливо вменяется в вину, с патриотической точки зрения, судебной власти на Кавказе, должно бы быть отнесено к другой категории причин. Судебные уставы и многие общеимперские законы, прежде всего, не подходят к кавказским условиям. Таковы, например, вопросы о давности, о состязательном процессе, и, в данном случае, о передаче школ. Выигрыш армянами нескольких судебных процессов о школьном имуществе вызвал во всем Закавказье оживленные толки, а у армянских политиканов – и надежды.

Присмотримся теперь поближе к этим политиканам и их программе. Само собой разумеется, что никакому человеку, мыслящему по-русски, они этой программы в точно сформулированном виде прочесть не дадут; но достаточно прожить несколько лет в крае и присмотреться ко многим явлениям, чтобы армянская программа выяснилась с непреложной достоверностью, получилась, как искомое в решенном уравнении.

Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании автономного «царства», и притом именно в русских пределах, не гаснет, а все разгорается. В Турции не было территории, – и она искусственно создается в Закавказье. Десятки тысяч турецких эмигрантов вторгаются в наши пределы, а наши воины не решаются стрелять в эти «мирные» шайки, потому, что армяне выдвигают вперед женщин и детей. Никаких турецких «зверств» нет и в помине, а турецкое правительство не принимает обратно беглецов.

Многие из этих последних при этом отказываются принимать русское подданство, и уже почти все без исключения склонны к праздности, заразным болезням и диким уголовным преступлениям.

Закавказские армяне-простолюдины, нравы которых сравнительно умягчились за несколько десятилетий пребывания в России, считают приход турецких сородичей великим бедствием.

Людам нужна земля и все, что есть на Кавказе и в русских столицах доступного армянским воздействиям, предназначает эту землю армянам и противится русской колонизации, даже не взирая на то, что начальник края, с Высочайшего соизволения, открыто включил ее в свою программу.

На нашем языке противиться - значит возражать; на Кавказе же у этого слова значение страшное, дикое, заставляющее волосы становится дыбом. После нескольких лет всяческого вдумывания в духоборческий вопрос и собирания фактов из первоисточника, я пришел, так сказать, всеми силами души к выводу, что началом духоборческого мартиролога, безумия и гибели явилась именно армянская интрига, имевшая целью переселение турецких армян на их земли. Преступления одних служилых людей и ошибки других, сентиментально-бесчеловечные бредни толстовщины и т.д. - все это факторы уже последующие, а не основные. К счастью, эта цель армянской политики была достигнута лишь в малой мере, посредством захватов и иных обходных путей.

Что такое значит по-армянски «противиться», про то знают жители погибшего русского поселка в Тертере, Елисаветпольской губернии. Эта страшная эпопея будет подробно изложена ниже, в главе, посвященной русским переселенцам. Рассказ одного из оставшихся в живых переселенцев произвел на слышавших такое впечатление, что все ужасы турецкой резни бледнеют пред холодной, сатанинской жестокостью «мирных» и «культурных» армян в деле извода русских из территории, завоеванной русской кровью.

Упомянутые политиканы хотят извести также мусульманское население края и испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями. Дальновидное бездействие их служилых приверженцев или рабов помешало доселе определению сословно-поземельных прав в мусульманских провинциях и учреждению там дворянско-крестьянского земельного банка. Само собой разумеется, что сословно-поземельная неурядица поддерживает нервность местного пылкого населения, вызывает недовольство и является одной из серьезнейших причин разбоев и кровавых столкновений. Перед Петербургом это тщательно маскируется, и некий «кавказский уроженец» г.В.С.К., полемизируя с редактором областного отдела «Нового Времени», напирал на пылкость и нервность закавказских мусульман, тщательно опуская вопрос об одном из главных факторов, действующих на эту пылкость. Факт на лицо: в течение многих десятилетий лежат под спудом вопросы об интересах целой группы населения, - и разумных причин к тому не имеется! Результаты не видны! Не трудно догадаться, кто тут орудует!.. В результате все мусульманское Закавказье уже опутано армянскими сетями, как и остальные места, кроме, отчасти, Кутаисской губернии. Армянские миллионеры, - киты, на которых строится промышленно-политический террор «Армении», - скупают за гроши десятками тысяч десятин земли грузинских князей, татарских

агаларов и захватывают плохо лежащие казенные уголья *); а эти уголья доселе нередко очень плохо лежат, отчасти, вследствие неприменимости общеимперских законов к местным условиям.

При этом русских людей продажные русские же публицисты убеждают в том, что армяне представляют на Кавказе единственный мирный и культурный элемент. В Петербурге армянские богачи и их поверенные умеют доказывать это влиятельным классами, увы, многим представителям печати, нефтяными акциями, вкусными обедами и даже устами специально нанятых для этого красивых дам. Повторяю: и неосведомленность у нас удивительная, почти преступная. Даже в редких русских по направлению изданиях приходится читать, что армяне - «оплот христианства на Востоке», а издания совершенно нерусские по направлению, на Кавказе и в столице, (например, пресловутые «С.-Петербургские Ведомости») доходят до таких геркулесовых столпов подлаживания к армянам, что за человека стыдно и страшно.

Русских людей помоложе да понаивнее армянские вожаки и их единомышленники стараются, подобно евреям, убедить в том, что Россия вполне созрела для властного народного представительства, что истинный патриотизм должен состоять в широком пользовании этой «зрелостью» в предоставлении окраин и инородцев самим себе. Иное отношение к делу явилось бы «нетерпимостью» и «мракобесием». Кто наслушался таких афоризмов на Кавказе, тому понятны и многие петербургские писания, как бы они ни были замаскированы даже русским «национализмом» особого рода. Когда армяне и их наемные борзописцы пускают в ход привычные для тупоумной части русской интеллигенции формулы буржуазного либерализма и говорят, например, о равенстве и братстве всех народов, то это ложь, презренная и плохо скрытая ложь, которой даже ребенок не поверит, если он честен и понял, в чем дело. Люди, притворяющиеся, что верят армянским либерально-гуманитарным уверениям, - такие же лжецы, как и авторы подобных уверений. Стоит только с некоторым вниманием прочесть то, что пишется по армянскому вопросу и присмотреться к кавказским делам, чтобы приведенный вывод признать аксиомой.

Казалось бы, например, что либерально-гуманитарная идея не воспрещает заботиться о русской народной массе, а велит, наоборот, помогать тем ее группам, которые оскудение нашего центра и безземелье гонит на окраины. Между тем, по почину армянских меценатов публицистики, в течение нескольких лет ведется всеми способами борьба против предначертанного Верховной Властью занятия свободных закавказских земель русскими переселенцами.

Возьмем другую аномалию, еще более вопиющую с кавказской точки зрения и явно противоречащую даже армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Во многих городах восточного Закавказья мусульмане составляют подавляющее большинство населения, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами, под предлогом, что эти последние «христиане». Таким предлогом можно морочить только людей, имеющих понятие о Кавказе лишь на основании календарных сведений. Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать из

бытовых условий, а не основываться на формальных признаках. Ограничивать нужно эксплуататоров, стачников, политиканов, людей кагального строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане. Христианство без христианской морали есть подделка, и не даром один православный иерарх, знающий кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян. Но если даже стать на точку зрения механически-уравнительной справедливости и отрицать какие бы то ни было ограничения, то вполне естественно было предоставить мусульманам равные права с армянами, особенно в стране, где мусульмане являются более коренным населением.

Кавказская власть добросовестно к этому стремилась, и в течение короткого времени вопрос считался решенным в желательном смысле. Армянская печать, исповедующая все догматы так называемого «либерализма» и весьма бесцеремонно относящаяся к православным святыням, тут вдруг особенно горячо запела на тему о «христианстве», а в Петербурге были пущены в ход все влияния, чтобы ограничение мусульманских прав осталось в силе. Газеты, доступные армянам, стали вдруг шуметь о панисламизме. И податливый Петербург отменил благородную меру, уже осуществлявшуюся на практике кавказской властью..

Армяне и их приспешники, очевидно, прячут свой либерализм в кармане, когда дело идет об их племенных интересах. Недаром у них сложилась поговорка «Хочешь – Исай Аракелович, хочешь – Аракел Исаич». Все чужое, даже заслуженное кровью и доблестью, кажется им неправым стяжанием. Так, например, хотя армяне уже лет сорок на Кавказе de facto являются в полном смысле слова хозяевами края, тем не менее, русской властью больше воздается внешнего почета заслуженным воинам и представителям древних грузинских фамилий, традиционно преданных России, а не вчерашним приказчикам, факторам или захватчикам казенных земель. Но и это «обидно» ревнителям армянской гегемонии, и это кажется им вопиющей несправедливостью!

Незадолго до редактирования мною газеты «Кавказ», зашел ко мне в Тифлисе в гостиницу, с целью познакомиться, известный «передовой» публицист Григорий Аветович Джаншиев. Он пользовался репутацией искреннего, безукоризненного либерала. Уважая всякую искренность и наслышавшись хорошего о нем в Петербурге, я был очень тронут его вниманием, и он совершенно очаровал меня широтой теоретических взглядов. Я откровенно высказал ему, что резко отличаю армянскую народную массу от мнимо-интеллигентного класса и особенно от хищной плутократии. Он слегка поморщился, но высказал уверенность, что люди разных лагерей могут объединиться во имя народного блага, если они не противники света, гласности, жизненной правды.

Я имел наивность этому поверить. Однако после первого же серьезного разоблачения противообщественных проделок и племенной нетерпимости тифлиских городских заправил, я получил от этого мнимого либерала и заядлого армянского патриота (в паразитическом смысле этого слова) весьма характерное письмо. Привожу из него те строки, в которых Джаншиев «показал карты»:

«Я от души желаю ему (грузинскому народу) всякого (?!)

успеха, но только на почве равноправности, а не на положении капризного баловня администрации, каким он всегда был и до сих пор (?!) остается, по признанию самого «Нового Времени». Армяне потому имеют будущее за собою, что они нигде и никогда не требовали для себя привилегий (?!) в ущерб другим народам. У вашей же газеты проскальзывает тенденция третировать их, как элемент вредный. Не нужно забывать, что они, служащие вот уже 3 года предметом травли, особенно чувствительны ко всякой несправедливости, в особенности от лиц, в беспристрастие которых верили. При таком настроении, даже справедливая мера может вызвать раздражение. Что могло быть справедливее уравнения татар с христианами в городском управлении? Но я совершенно понимаю людей, которые признают эту меру несвоевременной, так как она явно внушена не столько любовью к справедливости, сколько ненавистью (?!) к армянам. Вы, конечно, не заподозрите покойного Унковского в нелюбви к народу, а между тем он негодовал (?!) на Милютина за его польские крестьянские наделы, потому что они были внушены ненавистью (?!) к польскому народу, а не заботой о нем!!..»

Кажется, комментарии излишни, коль скоро даже справедливая мера может вызвать раздражение у этих чувствительных господ, «не требующих для себя привилегий», но противящихся равноправности мусульман!

Русские прислужники армян заходили по этому пути еще гораздо дальше. Так, например, в органе кн. Ухтомского по поводу предположения устроить армянских выходцев на острове Крите, было высказано однажды, что такая мера нежелательна, ибо армяне, как люди особенно способные в области экономической, и на новом месте возбудили бы против себя неудовольствие остальных христиан.

Нечего сказать, хороша «способность», влекущая за собой неизбежное неудовольствие соседнего населения! Ясно, что таким «способным» людям место скорее всего в долготерпеливой России: с нею, матушкой, церемониться нечего!..

Особый интерес представляет статья французского писателя-армянофила, г. Пьера Морана (журнал *Correspondant*) от 10 апреля 1897 года), заведомо «подготовленного» кавказскими политиками и также открывающего их карты.

По мнению этого писателя, Россия морально не упрочила своего господства между Черным и Каспийским морями, что совершенно верно. Наиболее глубока и активна, - говорит он, - идея самобытности и жажда обособления именно у армян. Они жалуются на равнодушие к их положению со стороны Франции, которая-де в унижительном для нее (?!) франко-русском союзе забыла свои принципы и отреклась от своих традиций; русское же правительство, не выполняя своей обязанности выручать армян зарубежных, гнетет, будто бы, армян российских раздражающими мероприятиями, *par des procedes vexatoires*. Армян-де преследуют (?!) в России за их деятельную энергию, благосостояние, сильную умственную культуру (!) и, наконец, просто «за то, что они армяне». Г. Моран находит, что они люди с железной волей, стойки, цепки и трудолюбивы, - словом, люди с большой внутренней силой, а *la seve vigoureuse*. Он признает, что они везде в

Закавказье «захватили места, предназначенные, казалось бы, скорее русским», и что они создают себе в русских пределах новое отечество, овладевая всеми большими предприятиями не совсем добросовестно, так сказать, снизу (*par les dessous*), как безжалостные ростовщики, темные дельцы, «христианские жида», которым русские завидуют по невозможности конкурировать с ними.

Глубоко верно определяет Моран роль эчмиадзинского патриархата, говоря, что даже те, «кто потерял веру в сверхъестественное» (т.е. вся армянская интеллигенция), почитают свою церковь, так как она – учреждение национальное и сохраняет их национальное самосознание. На нее переносят армяне то чувство, которое у других народов называется любовью к отечеству.

Сведения по географии, истории и литературе, почерпнутые Мораном, очевидно, у армянских политиканов, страдают соответственной нечестностью. Так, например, он говорит, что Батум, Карс и Ардаган, с их территориями представляют собой исконно-армянские владения, и что грузины давно сидели, в сущности, также на армянских землях.

Он клеветает на Императора Николая I, обещавшего, будто бы дать армянам автономию, говорит, что при Александре II (во имя всемогущего графа Лорис-Меликова?) армяне сильно рассчитывали на возрождение своего «царства», и рисует клеветническую, грубо неверную картину великого царствования Императора Александра III, высказывая при этом верную мысль, что армянам особенно страшно и ненавистно Самодержавие, централизующее и нивелирующее все части и все обособляющиеся элементы империи.

Он находит, что армяне могут возлагать патриотические надежды лишь на «либеральное правительство». Мысль верная и объясняющая, почему армяне, начиная с известного Каракозова, подобно евреям, так склонны участвовать во всей смуте, клонящейся к поколебанию или изменению нашего государственного строя.

Моран говорит, что армяне не могут не быть в неограниченной монархии элементом оппозиционным и даже опасными подданными, *des sujets redoutables*, и с точки зрения политической, и в области народного хозяйства, как «христианский Израиль», – *un Israel chretien*.

Названный писатель довольно сильно себе противоречит: в одном месте он говорит, что армяне желают лишь «гражданского равенства и религиозной свободы» (хотя, как это видно на Кавказе, они не только широко пользуются, но и безнаказанно злоупотребляют тем и другим), а в другом – признает, что «удача придала армянам гордости, энергии, страстности и силы; пока они были бедны и слабы, они склонялись перед своими властителями; разбогатев, они думают о сопротивлении; многих не удовлетворяет их положение». Психология нефтепромышленных тузов и банкиров этим определена весьма верно.

Говоря далее о коренном противоречии между армянскими тенденциями и русским государственным строем, называя армян опасными подданными, а церковь армянскую – национальным учреждением и даже «Ватиканом» (*Vatican armenien*), Моран заключает горячей апологией армян и усиленно советует русскому

правительству уступить их требованиям, отказаться от «нечестной» (deloyale) политики и от доверия к «Новому Времени» и «Московским Ведомостям», измышляющим будто бы всякие небылицы про армянские «комплоты».

Стало быть, Россия должна отказаться от основных принципов своего строя, чтобы дать дорогу автономному «христианскому Израилю» до Воронежа, а то и дальше?! Что ж, спасибо за добрый совет, который, вероятно, поддержат и кое-какие ревнителю «философского обновления русского строя»!..

Покуда же совет еще не принят, армянская программа продолжает неуклонно выполняться.

Ведя остальное население Закавказья к объединению и, так сказать, зоологическому недовольству, армянские заправилы надеются превратить остальных туземцев в своих кондотьеров, которые пригодятся в случае неудачной для России войны. Весьма характерно, что армянским политиканам особенно ненавистна всякая мера, всякое доброе слово в пользу или защиту других туземцев. Они нисколько не сердятся на тех русских, которые огульно бранят «всех кавказцев»: таким русским патриотам армяне готовы деньги платить, ибо огульные суждения, всегда несправедливые, особенно на руку армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Основная черта их – светобоязнь, страх перед неподкупной гласностью, и в этом они единодушны с ненадежными служилыми людьми, стоящими за условную «отчетную», а не жизненную правду. Особенно возмущают армянских политиканов указания на то, что армянская гегемония губит остальные кавказские племена: они тогда кричат, что это разжигание междуплеменной розни; их возражения принимают форму «двусторонних доносов», к которым так склонны армяне и евреи, и все, что есть в краевой службе гнилого, продажного, заинтересованного в продолжение армянского господства, – поднимает уже с «цензурной» точки зрения голос против разоблачения безобразий, против добросовестного изображения действительности.

Колоссальные капиталы в руках людей, политически замечтавшихся, могут представить серьезную опасность не только в случае каких-либо осложнений, но и в обыкновенное время. Будучи плодом, не упорного труда и вдохновенного знания, а глупо-случайного или неправого стяжания, эти капиталы в невежественных, некультурных руках составляют социальную опасность, как фактор подкупа и разврата.

Так как в современном государстве отнимать этих богатств нельзя, кроме законных случаев конфискации за доказанный мятеж или крамолу, то, значит, нужна придуманная экономическая политика, нужна культурная борьба. Пора бы русской предприимчивости применить свои духовные и материальные силы к южной окраине нашей. Пора этой созидательной мысли лечь в основу нашей окраинной государственной программы. Важны и усиление полицейской стражи, и подъем служилого уровня русских кавказцев, но все это паллиативы, которые назревшего вопроса не разрешат.

Бредни армянских политиканов, вероятно, останутся бреднями, ибо никакие революционные авантюры не устоят перед штыком русского солдата. Но неисчислимы экономический и духовный вред, наносимый армянскими вожаками на Кавказе и русскому народно-

государственному делу, и самому армянскому населению. Эти вожаки ужасны, как растлеватели, как микробы социального разложения, как паразиты.

*) «Арабески», новые стихотворения В.Л.Величко.

*) Эта ветвь Коргановых прекратила свое существование. Авт.

*) «Мурч» 1897 г. Статья под заглавием «Армяне из цыган».

«На свете существуют только два народа без национального языка и без отечества: это евреи и цыгане. Ни азиатская тирания, ни средневековое беспощадное преследование, ни даже современная гуманная культура не могли ассимилировать их с другими народами, и все эти могучие факторы оказались, таким образом, бессильными задуть материальную алчность одного народа и необузданное безграничное стремление к скитанию другого. Везде, в Азии или в Европе, в старом ли или новом свете, цыган остается цыганом, еврей - евреем. Только одному армянскому народу удавалось ассимилировать цыган, и это я говорю, - прибавляет автор статьи, - не голословно, а на основании достоверных фактов. Эриванские, шемахинские, елисаветпольские, тифлиские и другие цыгане, о существовании которых лет 50 назад свидетельствует история, перестали быть цыганами и, слившись с армянским элементом, ассимилировались с армянами, сохранив одни только фамилии, как дальнейшее воспоминание об их происхождении. С каких сторон ни рассмотреть этот вопрос, придешь к одному и тому же заключению, - что дело массовой ассимиляции ни одному народу не удавалось. Кроме армянского. Из ассимилированных цыган-армян вышли даже талантливые люди. Например, профессор С.-Петербургского университета Керобе Патканьян был цыганского происхождения, монах поэт Алмадарьян - тоже, двое из нынешних армянских писателей - тоже цыганского происхождения, народный поэт Ганесоглы, сочинивший много стихов и другие...

*) Из многочисленных примеров таких возмутительных фактов приводим на выдержку два случая, имевшие место на протяжении двух месяцев. «Кавказ», 1897 г. Июнь. Прихожане душетской св. Николая церкви составили приговор, коим поручили двум лицам из своей среды ходатайствовать пред высшим кавказским начальством о принятии мер против захвата армянским духовенством часовни «Бодавис-цминда Георгис - ниши» с принадлежащим ей участком земли (в ½ версте от г. Душета). Древние иконы из названной часовни, по словам составителей приговора, давно уже похищены и перенесены в душетскую армянскую церковь, участок примезеван к ней «неведомыми путями» истекшего 15-го мая, а самая часовня переименована в «Сурп-Геурковскую», и православные священники к служению в ней с тех пор не допускаются.

«Иверия», Апрель 1897 г. Гор. Ахалцых. Близ города, по ту сторону р. Поцхови, имеется целебный родник, вода которого замечательно помогает от головной боли. Около родника с давних пор стояла грузинская часовня и маленькая келья. Лечебные

свойства этого родника были общеизвестны, так что из разных частей Грузии стекались больные и получали исцеление. Водой пользовались бесплатно, но добровольных приношений скопилось в часовне немало. В начале минувшего марта кому-то вздумалось выставить в часовне армянские иконы, приделать в часовне двери, запереть их и забрать ключи. Об этом захвате местный благочинный священник Д.Хахутов донес экзарху Грузии.

*) В указанной проповеди, помещенной в № 37 газ. «Ардзаганк», за 1897 г. каталогос, в виде предисловия, предупреждал паству о наступлении, хотя и запоздалом «весны» для армянского народа и о благах, которые она ему принесет: «Вот наступила весна, оживилась природа; но после продолжительной и суровой зимы, желанная нами весна еще не настала. Не знаю, почему так опаздывает она, но во что бы то ни стало она, наконец, должна придти. Будем ждать ее с терпением, вполне уповая на Бога».

Что подразумевал «Айрик» под «весною», видно из заключительных слов проповеди: «Имейте веру и упование на Бога, надейтесь на ваше освобождение, любите друг друга так, как подобает истинному христианину... Берите пример с меня. Я в продолжение всей своей жизни подвергался всевозможным превратностям судьбы и, достигнув глубокой старости, все же с полным упованием верю и надеюсь. Не отчаивайтесь и будьте мужественны! На свете нет ничего вечного, а все относительное и временное. Одна лишь истина и справедливость всегда восторжествуют. Да хотя бы, что я говорил вам тысячу раз, сегодня повторю опять: всякий раз, когда я молюсь Богу, я прошу Его продолжить мое существование до тех пор, пока я не буду приветствовать багряную зарю со свободой моего несчастного и многострадального народа».

*) Грузинская газета «Иверия» констатирует в сентябре 1897 году тот факт, что прежде со всей Грузии стекались в Тифлисе и другие города чернорабочие, не нашедшие труда у себя в селениях по малоземелью, климатическим и иным условиям, а теперь они вытеснены из Тифлиса армянам их Эриванской губернии и особенно беглецами из Турции. Произошло это не вследствие конкуренции или какого-либо иного политико-экономического столкновения, ибо заработная плата, за эти годы не понизилась, как это бывает при естественной конкуренции, а напротив значительно повысилась. Например, чтобы перепилить кубическую сажень нетолстых дров трое армянских «амбалов» требуют от 4 р. до 5 р. 50 к., причем работа исполняется за 4-5 часов и очень небрежно.

В той же газете была напечатана справка, из которой явствует, что число городских чернорабочих служащих простирается от 300 до 400 человек и из них 93% составляют армяне. Метельщики и поливальщики улиц, караульные на авчальском водопроводе, числом до 200, все - армяне. Несколько лет тому назад большинство этих должностей были заняты рачинцами и айсорами, трезвыми хорошими работниками, замененными ныне ленивыми и грубыми выходцами из Турции, со значительно увеличенным окладом. Ярким примером грустных результатов этих ненормальных условий

тифлисского рабочего рынка может послужить следующий факт, отмеченный газетой «Цнобис-Пурцели» в том же 1897 году.

12-го декабря, на тионетском почтовом тракте, недалеко от Сабадури, ящик заметил полунагого, изнуренного пешехода, который оказался жителем сел. Сакдриони Симоном Сисаури. Бедняка доставили в селение Сабадури, где он и умер от голода и изнурения. Оказалось, что покойный очень нуждался и отправился в Тифлис на заработки. Проскитавшись несколько времени и не найдя в Тифлисе никакой работы, Сисаури издержал здесь последние гроши и направился обратно в деревню, до которой ему не суждено было добраться.

*) Вот перевод того, что пишет по этому поводу после своей поездки в Эчмадзин, французский ученый, барон де-Бай, которому принадлежит часть основательного ознакомления своей родины с Россией, в целом ряде книг и брошюр. Кавказ он несколько раз изъездил вдоль и поперек, и тон его повествований всегда отличался умеренностью и беспристрастностью.

«Подъезжаем к селу Варшапату. Прежде всего, мы видим древнюю покинутую церковь святой Рипсими, ныне восстанавливаемую, окруженную почернелыми стенами. Эта церковь была некоторое время притоном фальшивых монетчиков. Но вот мы и в Эчмадзине; всякий иностранец там принимается весьма радушно, - и у меня нет слов, чтобы выразить, как монахи (почти все в епископском сане) были со мной любезны и предупредительны. Но, не взирая на всю мою благодарность, я должен быть откровенным. Этот монастырь произвел на меня впечатление скорее политического, нежели религиозного центра. Его святейшество каталикос - весьма почтенный старец, ласково принимающий иностранцев; у него очень тонкий, очень дипломатичный ум; говорят, что он в своих проповедях охотно прибегает к иносказаниям»...

Вопреки преданию, относящему эчмадзинский собор к четвертому веку, барон де-Бай, по археологическим признакам, считает его памятником пятнадцатого столетия и находит, что стенная живопись является отражением персидского искусства. К «древним» предметам автор относится скептически:

«Древность реликвий, сохраняемых в ризнице, и, главным образом «священного копия», была оспорена учеными, гораздо более компетентными в этой области, чем я. Так как архивы монастыря, к несчастью, исчезли, то не существует и никаких сведений о предметах, собранных в его сокровищнице. В этих стенах мало озабочены трудами археологическими, историческими и художественными; все помыслы и заботы посвящены теперешнему времени и текущим вопросам. Люди, подозревающие, что здесь имеется очаг больших симпатий к Англии, пожалуй, ни мало не ошибаются. Во всяком случае, Англия употребляет все средства, чтобы вызывать эти симпатии в данном месте, близком к азиатской Турции...»

*) Карты этой воображаемой страны, которые я видел у бывшего попечителя кавказского учебного округа К.П.Яновского, распространились в виде литографированном и даже вышитые шелками. Последние принадлежат ручкам каких-нибудь мазутных

королеви, дрессируемых на иностранный лад. Авт.

*) Эти земли заселяются силой турецкими армянами.